

Громогласов И. М. Третий Всероссийский миссионерский съезд: (Факты и впечатления). Тираспольское дело // Богословский вестник 1897. Т. 4. № 12. С. 508–554 (2-я пагин.). (Окончание.)

Третій Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ.

(Факты и впечатлѣнія).

IV.

Тираспольское дѣло. — Толки, возбужденные имъ въ печати и обществѣ. — Докладъ г. Кальнева. — Расколъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ. — Скиты. — Личность главной руководительницы тираспольскихъ событій. — Жизнь Виталіи до появленія въ ковалевскомъ скиту — Ссора съ Кирилломъ. — Семья Ковалевыхъ. — Вліяніе Виталіи на окружающихъ. — Окончательный разрывъ съ протъвоокружнической іерархіей — Новыя порядки скитской жизни. — Ученіе объ аятихристѣ. — Первая мысль о самоисребленіи. — Слухи о переписи и „петербургская машинка“. — Печать антихристовая“. Проповѣдь погребенія заживо и ея первые результаты. — Арестъ скитниковъ — Последнія жертвы. — Разногласіе въ печати и на съѣздѣ по вопросу о томъ, къ какому раскольническому толку принадлежали заживо похороненные. — Взглядъ на ученіе Виталіи, какъ на „недоразвившееся бѣгство“; его основанія. — Возраженія противъ нихъ. — Мнѣніе, что тираспольскіе скитники были и до конца остались прогивоокружниками. — Заключеніе комисіи — Попытка ближе подойти къ рѣшавшемуся ею вопросу. — Взглядъ проф. Сикорскаго. — Заключеніе.

Не однимъ только спеціалистамъ, занимающимся изученіемъ раскола и слѣдящимъ за явленіями современной его жизни, увѣрены мы, надолго останется намятнымъ страшное впечатлѣніе, произведенное появившимися въ концѣ апрѣля текущаго года первыми извѣстіями о происшествіи въ раскольничьемъ скиту близъ Тирасполя (уѣздный городъ Херсонской губ.), — о двадцати пяти человѣческихъ жертвахъ, добровольно обрѣкшихъ себя на мучительную смерть и сошедшихъ въ безвременную могилу. Въ разнообразныхъ органахъ нашей печати и чуть ли не во всѣхъ слояхъ общества шли оживленные толки и выражались недоумѣнія по поводу ужаснаго событія, котораго — казалось — нельзя бы и ожидать въ концѣ нашего „просвѣщеннаго“ XIX вѣка.

и при томъ не въ какомъ-нибудь забытомъ всѣми „медвѣжьемъ углу“, откуда, по извѣстному выраженію великаго писателя земли русской, „хоть три года скачи—ни до какого государства не доскачешь“, а всего въ трехъ часахъ ѣзды отъ университетской Одессы и въ 4—5 верстахъ отъ уѣзднаго города, „имѣющаго даже собственную женскую гимназію“ (Русск. Вѣд., № 136). Говорили о „непроглядной, беспросвѣтной тьмѣ тупого невѣжества“, которая „незамѣтно—до крупныхъ, порождаемыхъ ею трагедій—уживается рядомъ съ неустанными заботами о народномъ просвѣщеніи, о-бокъ съ желѣзными дорогами, телеграфами и телефонами“ (Одесск. Листокъ), о „дикости и изувѣрствѣ“ раскольниковъ, усматривая за тираспольскими событіями, „такія зіяющія мрачныя глубины народнаго суевѣрія, передъ которыми останавливаешься со страхомъ и тревогой“ (Русск. Богатство, май, стр. 178). Наряду съ этимъ слышались сужденія иного рода: умилялись предъ этою „способностью малоразвитыхъ, простыхъ людей, никѣмъ непосредственно не вдохновленныхъ, жить мыслями о высшемъ благѣ, не довольствоваться земнымъ счастьемъ“ (Сѣверн. Вѣстн., іюнь, стр. 305), предъ этою силой воли, выразившейся въ трагической рѣшимости „умереть за Христа“, предъ этою беззавѣтною твердостью идейнаго убѣжденія, почти невысказанное въ наше дряблѣе, распатанное время и невольна переносающей мысль въ иныя времена, къ иной обстановкѣ ¹⁾... Не прошло, какъ мы слышали, тираспольское событіе незамѣченнымъ даже въ заграничной печати.

¹⁾ „Сколько силы воли, сколько трагической рѣшимости „умереть за Христа“ въ этихъ простыхъ людяхъ, въ этихъ деревенскихъ бабахъ“,—разсуждаетъ по этому поводу вкѣй г. Финъ въ „Одесск. Листкѣ“ (если не ошибаемся, въ одномъ изъ майскихъ № №), „и сколько сознательнаго добра, сколько плодотворной дѣятельности могли бы оставить по себѣ эти люди при иномъ, боѣе свѣтломъ направленіи ихъ воли... Вѣдь, именно такіе люди шли въ свое время на костры за свои убѣжденія, за свои вѣрованія, умирали, но не измѣняли ихъ.. Именно такіе убѣжденные люди являлись свѣточами христіанства, стояя живыми факелами по волю царей, или умирая на крестахъ, въ циркахъ, катакомбахъ ...—Основательное замѣчаніе о неумѣтности такихъ, но меньшей чѣрѣ *страннось* разсужденій, попадавшихъ и въ заграничную печать, см. въ сл. г. М. Гл. „Жертвы тьмы религіозной и раскольничьяго изувѣрства“ (Руков. для сельск. част., № 38, стр. 54.).

Здѣсь по поводу его возобновились старые толки о гнетѣ русскаго правительства, о жестокихъ гоненіяхъ за вѣру, способныхъ, будто-бы, довести челоуѣка до отчаянной рѣшимости добровольно покончить свою жизнь, чтобы не отдаться произволу мучительства и „уравнять свое безсиліе въ борьбѣ пожертвованіемъ личностей“... Само собою понятно, что событіе, такъ сильно всколыхнувшіе умы и вызвавшее столько разнообразныхъ сужденій, не могло остаться незатронутымъ на третьемъ миссіонерскомъ съѣздѣ, тѣмъ болѣе, что въ связи съ обсужденіемъ самыхъ фактовъ сенсационнаго событія естественно возбуждался вопросъ о томъ, къ какой именно сектѣ принадлежали заживо погребенные близъ Тирасполя и въ какой связи съ основами сектантскаго лжеученія стоятъ эти факты,—вопросъ, который, казалось, нигдѣ такъ легко и основательно не могъ быть разрѣшенъ, какъ именно на съѣздѣ спеціалистовъ-расколовѣдовъ, близко знакомыхъ и съ отдаленной исторіей, и съ современною жизнью всевозможныхъ видовъ нашего раскола¹⁾ и сектантства¹⁾. Невозможно было не признать, что вопросъ этотъ имѣетъ живой, практической интересъ, такъ какъ трагедія близъ Тирасполя представляетъ собою, безспорно, фактъ крупнаго общественнаго значенія, способный вызвать власть на изв. рода мѣропріятія въ видахъ предупрежденія возможности и впредь встрѣчаться съ подобными явленіями, — а при этомъ надо же знать, въ какую сторону, противъ *кого* или *чего* должны быть направлены эти мѣропріятія. Понятно, поэтому, что докладъ херсонскаго миссіонера М. А. Кальнева, посвященный тираспольскому дѣлу (въ разслѣдованіи котораго референтъ самъ принималъ участіе въ качествѣ эксперта) и прочитанный въ утреннемъ засѣданіи съѣзда 29 іюля, былъ— по сообщенію одной изъ мѣстныхъ газетъ— „выслушанъ съ необычайнымъ вниманіемъ всѣми присутствовавшими въ за-

¹⁾ Во „внутреннемъ церковномъ обозрѣніи“ *Страника* (октябрь, стр. 327) высказывается даже мысль —впрочемъ, едва ли основательная—что самое созваніе съѣзда въ нынѣшнемъ году произошло не безъ вліянія тираспольскаго дѣла, еще разъ показавшаго, что „наши свѣдѣнія о современномъ расколѣ, при всемъ множествѣ (?) прекрасныхъ и капитальныхъ сочиненій въ этой области, все еще недостаточны и что они нуждаются въ постоянномъ обновленіи и освѣженіи“

сѣданіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что во время чтенія этого доклада слышенъ былъ бы полетъ мухи. Этимъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на присутствовавшихъ, докладъ М. А. Кальнева обязанъ не только своему содержанію, но и въ значительной мѣрѣ своей внѣшней формѣ—сжатой, но яркой и живой ¹⁾. Нельзя не пожалѣть, что докладъ этотъ не вошелъ сплошн въ составъ изданной г. Скворцовымъ книжки „Дѣяній 3-го всероссійскаго миссіонерскаго св'язда“. Въ виду этого мы передадимъ здѣсь его содержаніе, пользуясь своими собственными замѣтками и газетными отчетами о немъ, дополняя по мѣстамъ его содержаніе данными, заимствованными изъ многочисленныхъ печатныхъ сообщеній о событіи, бывшемъ предметомъ этого доклада ²⁾.

Мѣстомъ событій, печальную повѣсть которыхъ мы должны здѣсь теперь воспроизвести, является нижнее побережье Днѣстра, представляющее, по словамъ очевидца, „настоящій благодатный край по мягкости климата, красотѣ природы и естественнымъ богатствамъ, которыми земля воз-

¹⁾ Казанскій Телеграфъ, № 1377. Живости и сила впечатлѣнія не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что докладъ сопровождался демонстраціею фотографій съ мѣстъ событій и съ самихъ живо похороненныхъ.

²⁾ Тираспольское событіе, какъ извѣстно, имѣеть уже цѣлую, довольно обширную, литературу: кромѣ массы болѣе или менѣе краткихъ, отрывочныхъ и не всегда достовѣрныхъ газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ и сообщеній, можно отмѣтить, какъ заслуживающія вниманія съ фактической стороны и по содержащимся въ нихъ сужденіямъ, статьи г. Юдина (въ Историч. Вѣстн., октябрь, стр. 258—270): „Терновскіе изувѣры и ихъ лжеученіе“ (представл. въ значительной части дословную перепечатку отчета о засѣданіи св'язда 29 іюля изъ № 485 газеты „Камско-Волжскій Край“), *свящ. М. Вижевскаго*: „О расколѣ въ Тираспольскомъ уѣздѣ Херсонской губ. и живо похороненныхъ здѣсь раскольникахъ“ (Врѣтекъ Слово, сент., стр. 214—273 ср. ст. *Н. И. Субботина*: „По вопросу о живо похороненныхъ раскольникахъ Тираспольскаго уѣзда“— въ Моск. Вѣд., № 205 и въ Врѣтекъ Слово, окт., стр. 387—392), *проф. И. А. Сихорскаго*. „Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ“ (Вопросы нервно-психич. медицины, 1897 г., вып. 3, стр. 453—511, статья эта была прочтана предварительно, въ качествѣ доклада, въ киевск. историч. обществѣ Пестора-Лѣтницца, см. Сѣв. Вѣст., окт., стр. 94) и двѣ передовыя статьи, посвященныя тираспольскимъ событіямъ, въ № 35 и 36 журнала „Русскій Трудъ“ Нѣкоторыя другія менѣе важныя, статьи указаны будутъ при самомъ изложеніи.

награждаетъ трудъ челоуѣка“. Между множествомъ рукавовъ и лимановъ, образуемыхъ здѣсь быстрымъ и извилистымъ теченіемъ Днѣстра, на плодороднѣйшей почвѣ заливныхъ низинъ (по мѣстному названію — *плавней*), раскинуты обширныя помѣстья съ фруктовыми садами и огородами, обработка которыхъ составляетъ главное занятіе и источникъ зажиточности для мѣстнаго населенія. Значительная часть послѣдняго состоитъ изъ сектантовъ и старообрядцевъ-раскольниковъ противоположнаго толка, переселенныхъ сюда въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія. Сплоченность раскольниковскаго населенія, сконцентрированнаго въ немногихъ (четырехъ) пунктахъ уѣзда ¹⁾, и полная независимость въ хозяйственномъ отношеніи даютъ возможность тираспольскимъ раскольниковамъ держаться совершенно обособленно отъ православныхъ и весьма открыто — далеко переступая границы закономъ дозволеннаго — заявлять о своей принадлежности къ расколу ²⁾. Главными разсадниками раскольниковскаго фанатизма, характеризующаго тираспольскихъ раскольниковъ въ ихъ отношеніяхъ къ православнымъ, являются тайныя раскольниковскіе *монастыри* и *скиты*. Первые (числомъ два) устроены при главныхъ мельницахъ въ Тирасполѣ и с. Плоскомъ и состоятъ изъ нѣсколькихъ, раздѣленныхъ каждая на 2—4 каморки („кельи“), обыкновенныхъ малороссійскихъ хатъ, построенныхъ и поддерживаемыхъ на средства раскольниковскихъ „благодѣтелей“. Скиты же, устраиваемые, въ прогивоположность монастырямъ, въ сторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ, представляютъ собою или низкія, сараеобразныя постройки, состоящія также изъ „келій“, или небольшія пещеры, вырытыя въ скалахъ надъ Днѣстромъ. Скитовъ въ уѣздѣ насчитывалось три: одинъ на хуторѣ Дѣвка (близъ с. Плоскаго), другой — въ малодоступной мѣстности надъ Днѣстромъ (въ 5 верстахъ отъ с. Теи) и третій — между с. Терновкою и Парканами, въ днѣстровскихъ плавняхъ, въ усадьбѣ, при-

1) Общее число раскольниковъ въ уѣздѣ простирается до 11 тысячъ душъ обою пола (а сектантовъ и раскольниковъ вмѣстѣ — до 28 тысячъ); изъ нихъ въ г. Тирасполѣ считается 3830 душъ, въ с. Плоскомъ около 7½ тысячъ и въ заштатныхъ городахъ Григоріополѣ и Дубоссарахъ — около 150 челоуѣкъ.

2) Братск. Слово, сенг., стр. 245-6.

надлежавшей семьѣ Ковалевыхъ ¹. Въ этомъ-то послѣднемъ скитѣ, въ текучей средѣ его обитателей, годъ тому назадъ созрѣло роковое рѣшеніе, результатомъ котораго было двадцать пять добровольныхъ, сгубившихъ себя ужасною и мучительною смертію, человѣческихъ жертвъ.

Познакомимся ближе съ обстановкою событія и съ дѣйствующими лицами этой ужасной драмы.

На первомъ планѣ между ними рѣзко и ярко выступаетъ личность главной руководительницы всего дѣла, „матушки Виталин“. Свѣдѣнія о ея жизни до извѣстной катастрофы, переданныя въ докладѣ г. Кальнева и дополненныя другими сообщеніями, довольно опредѣленно обрисовываютъ ея образъ и выясняютъ причины ея безграничнаго вліянія на окружающихъ. Передъ нами—„одна изъ тѣхъ рѣдкихъ и глубоко-несчастливыхъ русскихъ натуръ, которыя не знаютъ разницы между словомъ и дѣломъ и для которыхъ не существуетъ никакого раздвоенія, никакихъ компромиссовъ“ ²). Эта цѣльность натуры, сила характера и убѣжденія замѣтно сказываются уже въ самыхъ первыхъ шагахъ, какими заявляетъ себя будущая руководительница тираспольскихъ событій.

Дочь херсонскаго мѣщанина-мясника, старообрядца-противоокружника, Вѣра Степановна Мокѣева (первоначальное имя Виталин) выросла въ обстановкѣ строгой раскольничьей семьи, гдѣ соблюденіе предписаннаго благочестія и безусловное подчиненіе родительской волѣ составляютъ основную руководящую норму жизни, нерѣдко ставящую желаніямъ младшихъ членовъ семьи „предѣлъ, его же не преидеши“. Среди домашнихъ занятій, обычныхъ для дѣвушки ея среды, однообразно и безцвѣтно по виѣшности протекли годы ея ранней молодости, не обнаруживая въ ней никакихъ особенныхъ качествъ, способныхъ выдвинуть ее изъ заурядной массы и преднамѣтить ея будущую исключительную и печальную роль. Она даже не была грамотницей, книжной начетчицей, что обыкновенно выдвигаетъ женщину въ расколѣ, и только ужъ послѣ, въ другой об-

¹) Усадьба эта занимаетъ довольно большой участокъ земли, оцѣниваемый тысячу въ 20 рублей.

²) Русск. Труди, Л 35, стр. 3.

становкѣ и при другихъ обстоятельствахъ, научилась кое-какъ чтенію и письму. По-видимому, все общало въ ней обывковенную простую женщину, жизнь которой должна незамѣтно и тихо пройти до конца среди мелочей обывденной жизни, въ заботахъ о семьѣ, о мужѣ, котораго и поспѣшили подыскать ей родители, какъ только ей минуло 16—17 лѣтъ. Этотъ избранникъ родныхъ не былъ избранникомъ и ся сердца; но суровая отцовская воля не нуждается въ согласіи и не допускаетъ возраженій. Назначень уже и день свадьбы, которую долженъ былъ вѣнчать прѣзжій раскольничій попъ... Въ самый день свадьбы молодая невѣста исчезаетъ изъ отцовскаго дома, и всѣ усилія отыскать ее остаются безуспѣшными.

Этотъ внезапный побѣгъ изъ отцовскаго дома обнаруживаетъ передъ нами неожиданныя черты душевнаго склада молодой дѣвушки, вскрываетъ тотъ своеобразный внутренній міръ, который незамѣтно создавался—подъ какими вліяніями, мы не можемъ теперь съ точностію услѣдить—въ то время, когда ея внѣшняя жизнь шла, по-видимому, такъ заурядно и безцвѣтно. Изъ-за блѣднаго и неяснаго контура передъ нами сразу выступаетъ живое лицо, заявляетъ себя живое чувство, протестующее—во имя ли своихъ естественныхъ правъ, или подъ вліяніемъ аскетическихъ идеаловъ, навѣянныхъ трогательными и благочестивыми легендами, такъ любимыми нашимъ простонародіемъ—противъ союза на всю жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ, противъ этой „грязи неодухотворенныхъ тѣлесныхъ отношеній“, сказывается твердая воля, не способная поступиться живымъ убѣжденіемъ ради внѣшняго требованія, изъ какого-бы источника оно ни шло.

Но послушаніе родительской волѣ для нея, выросшей въ традиціяхъ строгаго повиновенія, все-таки есть грѣхъ, который тяготитъ ея душу и требуетъ суровыхъ подвиговъ покаянія. Ради этихъ подвиговъ она уходитъ въ Куреневскій женскій монастырь (въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Подольской губ.), составляющій, вмѣстѣ съ мужскимъ монастыремъ того же наименованія, одинъ изъ главныхъ центровъ противоокружничества, и здѣсь постригается (а впоследствии принимаетъ и схиму) съ именемъ Виталія. Кое-какъ научившись грамотѣ, Виталія усердно отдается чтенію „бо-

жественныхъ книгъ“, разумѣется—преимущественно аскетическаго содержанія, и строгія правила древняго подвижничества становятся для нея „живымъ кодексомъ жизни“, обязательною нормою, не допускающею ни отступленій, ни компромиссовъ. Одушевляемая примѣрами древняго аскетизма, возбуждаемая мыслью о своемъ грѣхѣ, требующемъ искупленія, она предается подвигамъ, далеко превышающимъ обычную мѣру строгаго монашескаго житія ¹⁾ Въ суровыхъ упражненіяхъ этого рода, скоро выдвинувшихъ ее изъ рядовой массы и создавшихъ ей почетное и вліятельное положеніе въ мѣстномъ расколѣ, окончательно складывается ея характеръ—властный и настойчивый, не знающій послабленій ни для себя, ни для другихъ. Эта черта особенно замѣтно сказалась во время пререканій, возникшихъ въ 1884 г. въ средѣ куреневскихъ монаховъ и монахинь изъ-за лже-епископа Кирилла, который, вслѣдствіе подозрѣній въ расхищеніи монастырскихъ имуществъ, долженъ былъ удалиться изъ мужского Куреневскаго монастыря, отрекшись при этомъ отъ епископства, но затѣмъ поселился въ женскомъ монастырѣ и захотѣлъ возвратитъ себѣ прежнія іерархическія права. Значительная часть монахинь стала на сторону Кирилла; но Виталія, въ глазахъ которой этотъ раскольничій „пастырь“ утратилъ всякій авторитетъ, заявила, что „епископу, отрекшемуся отъ сана, не довлѣетъ быти пастыремъ, и не должно быть ему мѣста въ монастырѣ, ибо онъ сдѣлался (послѣ отреченія) міряниномъ“. Рѣзко порвавши всякое общеніе съ недостойнымъ епископомъ и его сторонниками, она ушла изъ монастыря въ тираспольскія плавни; за нею послѣдовало нѣсколько схимницъ, которыхъ она успѣла привлечь на свою сторону во время спора съ Кирилломъ. Здѣсь, спустя довольно много времени послѣ выхода изъ монастыря, она нашла себѣ постоянное пристанище въ скитѣ на усадьбѣ Ковалевыхъ ²⁾.

1) Напр., она перѣдко ложилась на порогъ моленной—такъ, что переступить черезъ нее было нельзя, и входящіе, по ея просьбѣ, должны были ступать на нее, поирать ея ногами, а она въ это время шептала благодарственные молитвы.

2) Этотъ скитъ, по словамъ проф. Сикорскаго, первоначально „представлялъ собою скорѣе мужской раскольничій монастырь, но съ водворе-

Поселившись въ ковалевскіи скитѣ, Виталія и здѣсь, благодаря своему строгому образу жизни и необычному подвижничеству, вскорѣ приобрѣла всеобщее уваженіе и сильное вліяніе на окружающихъ. Быть можетъ, это и не было особенно трудно по крайней мѣрѣ — по отяженію къ семьѣ хозяевъ скита, члены которой представляютъ ясно выраженные признаки психической неуравновѣшенности и вырожденія ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, спустя немного времени послѣ своего переселенія въ скитѣ, Виталія была уже полною распорядительницею въ немъ, приобрѣла неотразимое вліяніе на весь окружающій ее раскольникій мірокъ и „прибрала къ рукамъ душу и сердце“ дѣйствительной хозяйки скита, Александры Ковалевой. Этому росту ея авторитета въ окружающей средѣ — кромѣ того, что она была женщина „неотразимо-прелестныхъ словесъ“ — не мало способствовало еще и то обстоятельство, что къ Виталіи, какъ уже стяжавшей себѣ извѣстность во всемъ раскольно-противоокружническомъ мірѣ своею ревностью о вѣрѣ и суровымъ подвижничествомъ, съ видимымъ уваже-

ніемъ въ немъ Виталіи преобладающая роль переходить къ женщинамъ, и въ періодъ послѣднихъ событій это уже было монастырское обществѣ съ женскою іерархіею и администраціею во главѣ“ (цит. ст., стр. 457). Мы полагаемъ, что и своеобразное внутреннее устройство ковалеваго скита о которомъ по подробнѣе будемъ говорить ниже, придано было ему уже во время господства здѣсь Виталіи, и именно — „въ періодъ послѣднихъ событій“ или незадолго до нихъ.

¹⁾ Глава этой семьи, умершій, кажется, еще до поселенія Виталіи въ скитѣ, былъ алкоголикъ. жена его, Александра Ковалева, женщина мягкая и добросердечная, не обладала однако, по-видимому, твердымъ характеромъ, способнымъ противостоять сильному вліянію, идущему со стороны. Изъ дѣтей ихъ Авдотья, наиболее даровитая и симпатичная, кончила, какъ увидимъ ниже, психическимъ разстройствомъ, предполагающимъ и въ некоторую природную психопатическую предрасположенность. Младшій сынъ Ковалевыхъ, Дмитрій, былъ идіотъ, а старшій Оедоръ, получившій такую печальную извѣстность своимъ участіемъ въ тираснопольскихъ событіяхъ, человекъ добрый, но также умственно запаздывающій, съ слабою волею и съ ясно выраженными вѣстными признаками принадлежності къ психопатической семьѣ (о немъ особ. см. цит. ст. *Силорскаго*, стр. 494 и г.). Ко времени описываемыхъ событій въ составъ этой семьи стѣдуетъ еще отмѣнить жену Ѳ. Ковалева, Анну или — какъ она называлась — „Аношу“, женщину экзальтированную, и двухъ ея малолѣтнихъ дочерей, изъ которыхъ одной было тогда около 4-хъ лѣтъ, а другой — всего полгода.

ніемъ относились раскольницькіе попы и даже архіереи, посѣщавшіе и по-долгу бесѣдсвавшіе съ нею въ скиту. Виталія находилась въ общеніи съ тремя противоокружницькими епископами: бендерскимъ Тарасіемъ (ум. въ 1887 г.), его пріемникомъ Сименомъ и нижегородскимъ Іосифомъ, подобно ей отвергшими Кирилла, и вполнѣ раздѣляла съ дѣтства воспріятое ею ученіе противоокружниковъ. Въ названныхъ трехъ епископахъ она видѣла истинныхъ столповъ древяго благочестія, которые уже не измѣнятъ этому благочестію, не сойдуть со стези праваго, уставнаго житія.

Но въ этомъ ей пришлось жестоко разочароваться. Въ концѣ 1895 года одинъ изъ этихъ „столповъ“, ближайшій пастырѣ тираспольскихъ противоокружниковъ, Симеонъ—поколебался: на соборѣ въ Бендерахъ и затѣмъ въ Тирасполѣ состоялось примиреніе между нимъ и Кирилломъ (черезъ представителей того и другого), и послѣдній былъ признанъ сторонниками Симеона. Виталія осталась непоколебимой въ своемъ отрицаніи законности Кирилла, только теперь перенесла это отрицаніе и на его союзника: вмѣстѣ съ своими послѣдователями она объявила отступнику—епископу и его единомышленникамъ, что отнынѣ иорываетъ съ ними всякое общеніе. Со смертію Тарасія и измѣной Симсона, так. образ., для Виталіи переставала существовать *мстная* противоокружницькая іерархія,—и этотъ отрицательный взглядъ, по мнѣнію референта, былъ перенесенъ затѣмъ и на всю іерархію вообще.

Отвергнувъ недостойную іерархію, Виталія смѣло и настойчиво начинаетъ проповѣдовать ученіе, доселѣ отъ нея неслыханное: она внушаетъ своимъ скитникамъ, что „поповская вѣра хуже жидовской“, что священство на землѣ „изсякло“, да оно и не нужно, ибо „каждый человекъ самъ себѣ церковь“. Но на этихъ чисто отрицательныхъ положеніяхъ остановиться было, конечно, нельзя; нужно было уяснить положительныя условія и средства спасенія въ обществѣ, оставшемся безъ іерархіи. И вотъ начинается усиленное „исканіе правды“: предпринимается рядъ путешествій съ цѣлью отыскать, гдѣ хранится чистая истина; съ тою же цѣлью отысканія истины Виталія—хотя и полуграмотная—усердно читаетъ книги, стараясь найти въ нихъ отвѣтъ на свои запросы, утоленье томящей ее „жажды

духовной“. И по мѣрѣ того, какъ она все больше и больше погружается въ мѣръ священныхъ завѣтовъ и благочестивыхъ преданій прошлаго, все строже становится она къ себѣ и другимъ. Въ мѣрѣ спасенія нѣтъ, — надо какъ можно полнѣе отгородиться отъ міра, отъ его соблазновъ и прелестей: и вотъ аскетическій строй скитской жизни становится еще болѣе строгимъ по своему режиму. Скитъ Ковалевыхъ становится совершенно замкнутымъ, своеобразно организованнымъ мѣркомъ. Во главѣ всего стоитъ сама „матушка Виталія“. Она не только управляетъ общиной, какъ ея настоятельница, но и совершаетъ для нея службы: читаетъ акафисты, канопы, часы, „неугасимыя“, служитъ паннихиды, вечерни и проч., или, предоставивъ иногда совершеніе полнаго чина другимъ, сама непременно „замолиствуетъ“, т. е. положитъ начало службѣ. Она даже *сама приобщаетъ скитниковъ* — кого часто, кого каждые сорокъ дней, кого рѣже ¹⁾. Всѣ члены ея общины — монахи, отчасти ея и постриженные; при постриженіи она даетъ каждому — по сообщенію докладчика — особаго образца „натѣльный“ крестъ изъ кипариса. Заботливо охраняетъ Виталія свою общину отъ вліянія другихъ раскольниковъ и вообще отъ всякаго сторонняго вліянія ²⁾. Скитяне ведутъ совершенно обособленную жизнь, проводя время въ моленіяхъ по нѣсколько разъ въ сутки. Многочасовыя стоянія на молитвѣ сопровождаются многочисленными поклонами, для счета которыхъ оказалось недостаточно обычной „лѣстовки“ и былъ изобрѣтенъ самой Виталіей особый приборъ, въ видѣ укрѣпленнаго въ деревянномъ желобкѣ прута со счетными косточками, которыми отмѣчались тысячи положенныхъ поклоновъ. Воздержаніе отъ пищи доходило почти до голода; сверхъ того, сама Виталія и нѣкоторые изъ скит-

¹⁾ Сикорскій, цит. ст., стр. 457.

²⁾ По словамъ корреспондента „Одесскихъ Новостей“, мѣстный противокружническій раскольническій цопъ, Григорій Рудаковъ, въ разговорѣ съ нимъ, сообщалъ, что виталиевскій кружокъ держался отъ него (Рудакова) совершенно обособленно: „нѣсколько разъ пытался я проникнуть къ нимъ, познакомиться съ ихъ ложными ученіями, но меня и другихъ туда не пускали“.

ницъ, для вящаго умерщвленія плоти, носили на тѣлѣ вериги ¹⁾).

Самое устройство скита, внѣшнее и внутреннее, измѣняется, по-видимому, въ это же время и, конечно, по указаніямъ Виталии. Устройство это заслуживаетъ особеннаго вниманія, и потому мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько подробностей изъ описаній очевидцевъ (посѣтившихъ скитъ уже послѣ катастрофы), дополняя ими сообщенія референта.

По внѣшности „скитъ представляетъ собою небольшое низкое зданіе, съ фасада напоминающее собою экипажный сарай, съ широкими фальшивыми входными воротами, которыми отдѣланъ фасадъ, и небольшими оконцами въ родѣ слуховыхъ отверстій въ нежилыхъ зданіяхъ. На самомъ дѣлѣ никакого вѣзда въ сарай нѣтъ: это—лишь отдѣлка, скрывающая дѣйствительное расположеніе и назначеніе зданія. Настоящій фасадъ и входъ въ зданіе—съ противоположной стороны. Но этотъ истинный входъ и истинный фасадъ просто, но искусно и умѣло замаскированъ широкимъ валомъ изъ соломы и тростника, представляющимъ собою какъ-бы складъ этихъ матеріаловъ. Однако же въ самомъ дѣлѣ описываемый валъ представляетъ собою постоянную постройку, которая своей верхней частью сливается съ крышей близъ лежащаго зданія и предназначена для замаскированья его. Между валомъ и зданіемъ скита идетъ во всю его длину узенькій корридоръ. Съ корридора ведутъ нѣсколько входныхъ дверей въ различныя части зданія. Зданіе это и есть раскольничій скитъ, въ которомъ имѣли временное и постоянное жительство переходящіе и постоянные жильцы терновской раскольничьей общины. Самый входъ въ описанный выше корридоръ такъ искусно расположенъ и замаскированъ, что его трудно замѣтить. Все описанное устройство явнымъ образомъ рассчитано на то, чтобы скрыть какъ назначеніе зданія, такъ въ особен-

¹⁾ Такія вериги, вѣсомъ въ 4½ фунта, найдены были на Виталии, когда были открыты трупъ ея и другихъ заживо похороненныхъ. Вериги эти состояли изъ двухъ крестовъ (одинъ на спинѣ, другой--на груди), соединенныхъ въ верхней и нижней части мѣдною цѣпью; концы ея были соединены замкомъ, ключа къ которому не было.

ноги входы и выходы изъ него“ ¹⁾. Внутри зданія, какъ и совнѣ, всѣ подробности устройства явно продиктованы страхомъ, осторожностью и подозрѣніями. Главную часть скита составляетъ моленная, она же и келья Виталия, отличающаяся большими размѣрами сравнительно съ другими кельями; два узкихъ и темныхъ корридорчика, устроенные между ея двойными стѣнами и совершенно незамѣтные для посторонняго человѣка, соединяли моленную съ другими смежными помѣщеніями, а эти— съ слѣдующими. Всѣ кельи еле освѣщены узкими оконцами съ желѣзной рѣшеткой. Кромѣ того, въ скитѣ имѣлось два или три *тайника* — небольшие тѣсныя комнатки, скорѣе — конуры, въ которыхъ скитники могли укрываться въ случаѣ посѣщенія какихъ-нибудь подозрительныхъ или опасныхъ для нихъ лицъ; въ эти тайники ведутъ маленькія дверцы, всего въ ^{3/4} кв. арш. величиною, которыя легко было замаскировать отъ посторонняго взора, повѣсивъ надъ ними какую-нибудь одежду на стѣнѣ ²⁾. Словомъ, все внутреннее устройство скита даетъ чувствовать, что обитатели его—говоря словами проф. Сикорскаго—пребывали въ постоянной тревогѣ, въ какой-то *человѣкоболзни* и *зрачности*, и всякую минуту были готовы и могли бѣжать. Не лишена интереса для насъ и еще одна подробность: въ каждой кельѣ на верхнемъ косякѣ двери была укрѣплена уже извѣстная намъ (см. предыдущ. главу) надпись: „*Христосъ съ нами уставися вчера и днесь, Той же и во вѣки*“ ³⁾.

Откуда вытекало и это своеобразное устройство скита, и весь строй жизни его обитателей? Было ли все это измышленіемъ самой Виталия, или же было заимствовано ею откуда-нибудь, изъ готоваго источника и образца? Нѣкоторыя указанія, правда — не достаточно полныя и опредѣ-

¹⁾ Сикорскій, цит. ст., стр. 454—5

²⁾ По слухамъ, перетаваемымъ корреспондентомъ „Одесск. Листка“, Виталия на нѣсколько дней заперлась въ подобномъ тайникѣ—„безъ оконъ, аршина въ два длины и ширины, при чемъ дверца, до того малая, что въ нее еле могъ входить человѣкъ, наглухо за ней запиралась“.

³⁾ При описаніи внутренняго устройства скита мы имѣли въ виду, кромѣ цит. статьи проф. Сикорскаго и отчетовъ о рефератѣ г. Кальнева, нѣкоторыя черты, сообщаемыя въ статьѣ *Звѣздина*. Въ скиту у „бѣгуновъ“ (Русск. Вѣст., № 136).

ленныя, дають если не прямое разъясненіе, то по крайней мѣрѣ—любопытныя намеки на то, откуда могли возникнуть эти новые порядки жизни и чѣмъ они могли быть вызваны.

Продолжая усердно молиться и изводить себя постомъ, Виталія не переставала читать старинныя рукописныя и печатныя „божественныя“ книги, усердно изыскивая вѣрный путь спасенія. Въ одной изъ такихъ книгъ она нашла нѣкое „Слово отъ старчества инока Захаріи ко ученику своему Стефану,“ которое, по-видимому, сильно подѣйствовало на ея воображеніе оригинальнымъ взглядомъ на нѣкоторыя современные явленія и безповоротно опредѣлило ея отношеніе къ нимъ. Вотъ что вычитывала Виталія своимъ послѣдователямъ изъ названной книги:

„Станеть мерзость запустенія на мѣсте святе, исполнится число звѣрино 666 и рассыпится рука людей освященныхъ, священнической и иноческой чинъ отнюдь истребится, пѣнія и чтенія яснаго нигдѣ ни услышится, тогда будетъ царство антихристово ясно и полное, и будутъ брани ратныя на земли... будетъ оружіе огненное, о нихъ же и страшно рещи, и не будетъ воинства его нарицатися воинствомъ, но названіе страшно, имя сатана—салдаты, брады не имуще, яко жены, усты же, яко львогы, изъ усть у нихъ исходитъ дымъ смердящъ... одѣяніе имуть носити короткое, обтянутое, и хвостъ имущее, на главахъ орты... Мужіе имуть носити одѣяніе короткое выше колѣну, штаны натяпуть чрезъ раделы, и не могутъ колѣнопреклоненіе творити; жены же будутъ имѣть образъ бѣсовски... главы не покровены имуть и на главахъ имуть носити скотскія роги и зміямъ уподобляя бѣсомъ; лица будутъ мазати вапами и власы вонями на прелестъ поганскую, одѣяніе имуть носити необычное, подобно бѣсовскому мѣчтанію, блудническія обычаи проклятыхъ вѣмецъ съ перетяжками на погубельную блудную прелестъ, и возлюбятъ конскія ристанія и бѣсовскія игры, и пѣсни, и плесканіе сатанинское... Еще же возлюбятъ насытное лакомство, безвременное питіе отъ травы и листвія идоложертвеннымъ кропленіемъ и зміинымъ жиромъ. изыдетъ отъ племени китая“ ¹⁾.

¹⁾ Камско-Волжскій Край, № 485: то же въ Истор. Вѣстн., октябрь стр. 268. Приводимъ эту выдержку съ точнымъ соблюденіемъ орфографіи подлинника.

Виталія, по словамъ Ѳ. Ковалева, уже и раньше напоминала своимъ послѣдователямъ, что „въ осьмой тысящи вѣка сего (отъ сотворенія міра) совершится скончаніе и судъ“. Познакомившись съ „словомъ Захаріи“, тревожно вникая въ этотъ рядъ признаковъ наступленія антихристового царства, представляющій мѣткую, хотя и курьезную на нашъ взглядъ, характеристику нѣкоторыхъ явленій современной дѣйствительности, она убѣждается сама и начинаетъ убѣждать другихъ, что страшный призракъ, издавна запугавшій воображеніе русскихъ людей, сталъ роковою дѣйствительностью, что антихристъ близокъ, что онъ, можетъ быть, уже пришелъ и началъ созидать свое царство на соблазнъ и гибель христіанамъ. Съ этого времени всѣ ея заботы направляются на то, какъ бы избѣгнуть власти этого послѣдняго и страшнаго врага, какъ бы не сдѣлаться жертвою его насилія или коварства. Все, что даетъ какой-нибудь отвѣтъ на эти тревожныя заботы и запросы ея души, приобрѣтаетъ теперь для нея особенный интересъ, остана вливаетъ на себѣ ея вниманіе, вызываетъ работу мысли... Вѣроятно, среди подобныхъ мыслей и заботъ ей попадаетъ какая-то статья „Томскихъ Вѣдомостей“ о сектѣ странниковъ, основной пунктъ ученія которыхъ, какъ извѣстно, составляетъ мысль о наступленіи антихристового царства и о непрестанной борьбѣ съ антихристомъ всякими средствами, до „красной смерти“ включительно. Быть можетъ, здѣсь сообщались и нѣкоторыя подробности относительно бытовой стороны странничества, объ устройствѣ пристанищъ для странниковъ въ домахъ „жилыхъ“ бѣгуновъ, о тайникахъ и т. под. предосторожностяхъ, столь необходимыхъ для вѣрующихъ по наступленіи антихристового царства ¹⁾. Виталія заставляеть переносить эту статью полуустановомъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и распространяеть между своими послѣдователями, разумѣется—не въ цѣляхъ полемическаго

¹⁾ Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни вполне точныхъ бібліографическихъ указаній относительно упомянутой статьи, ни сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній о ея содержаніи. При разсужденіяхъ създа и его коммисіи по тираспольскому дѣлу эта весьма интересная и немалозначительная—какъ увидимъ ниже—подробность оставлена какъ-то въ тѣни, безъ надлежащаго разъясненія и вниманія, котораго она вполнѣ заслуживала.

обличенія секты, ради которыхъ, можно думать, статья была писана.

Постепенно отдаваясь все больше этой роковой мысли о наступленіи антихристового царства и перестраивая сообразно съ ней весь строй жизни своихъ послѣдователей, Виталія очень скоро пришла къ выводу о неизбѣжности гоненій и коварныхъ соблазновъ, которымъ должны подвергнуться отъ этого врага Божія истинные послѣдователи Христовы, подобные ей и ея скитникамъ. Уже два года тому назадъ (т. е. приблизительно за годъ съ небольшимъ до катастрофы) Виталія отказывается сама лично брать деньги, хотя, уступая требованіямъ жизни, и не возбраняетъ этого мірянамъ, живущимъ близъ скита. Осенью 1896 г. тревожное настроеніе скитниковъ и ихъ опасенія замѣтно усиливаются вслѣдствіе распространившагося слуха, что на раскольниковъ всѣхъ толковъ и сектъ будетъ воздвигнуто гоненіе, что ихъ будутъ отправлять въ ссылку или заключать въ остроги и тюрьмы. Подъ влияніемъ этого слуха проповѣдь Виталіи находить себѣ еще болѣе отзывчивыхъ слушателей, чѣмъ прежде: запуганные послѣдователи ея спѣшатъ развязаться съ своимъ имуществомъ, и среди нихъ впервые возникаетъ мысль о самоистребленіи голодомъ въ случаѣ, если антихристовы приставники—гонители разсадятъ ихъ по тюрьмамъ ¹⁾. Такимъ образомъ, *первая*

¹⁾ По словамъ проф. Сикорекаго, ожиданія гоненій „были настолько сильны, что вызвали пріостановку обычнаго теченія дѣлъ и привели къ пелѣнымъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ. Въ ожиданіи предстоящей ссылки спѣшили запастись теплой одеждой—шубами, валенками и т. под., продавали за безцѣность вещи и недвижимое имущество и безразсчетливо расходовали деньги подъ влияніемъ чувства неизвѣстности и отчаянія. „Вечера и ночи проходили въ безпокойныхъ думахъ и разговорахъ, въ которыхъ принимали участіе женщины, подростки и дѣти; вслѣдствіе чего безпокойство и волненіе варостали, а рѣшенія замѣнялись фантастическими предположеніями. Въ этихъ разговорахъ и волненіяхъ созрѣли два рѣшенія: предполагалось въ случаѣ ссылки занастись въ остаточномъ количествѣ теплымъ платьемъ, въ случаѣ же заключенія въ тюрьму рѣшали, согласно совѣту Виталіи, *запоститься*, т. е. уморить себя голодною смертью. На этомъ остановилась большая часть. Немногіе изъ мужчинъ давали совѣтъ „дожидаться, что будетъ“, ничего не предпринимая. Этотъ благоразумный исходъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ чѣста, главнымъ образомъ потому, что психологическій центръ всего дѣла перешелъ къ затворницамъ и вообще къ женщинамъ и въ силу этого получило сильное развитіе, горячаго,

мысль о самоистребленіи возникла въ средѣ обитателей ковалеваго скита еще раньше толковъ о переписи и независимо отъ нихъ.

Къ этому именно времени (къ сентябрю или октябрю 1896 года) относится загадочная поѣздка одной изъ скитницъ (Прасковьи Суховой), по порученію Виталии, къ нижегородскому противоокружническому епископу Юсифу, упомянутому выше. Какіе результаты имѣла эта поѣздка, остается не выясненнымъ ¹⁾: несомнѣнно только, что эта поѣздка не измѣнила настроенія скитниковъ, а появившіеся вскорѣ послѣ того слухи о всенародной переписи (какъ извѣстно, вызвавшіе вообще не мало тревожныхъ толковъ, подозрѣній и даже серьезныхъ недоразумѣній по мѣстамъ ²⁾) быстро повели событія къ ихъ роковой развязкѣ.

По воззрѣнію крайнихъ представителей старообрядчества, всенародное исчисленіе — въ видѣ ли однодневной переписи, какъ оно было предположено годъ тому назадъ, или чрезъ посредство метрикъ и т. под. документовъ—само по себѣ представляетъ нѣчто грѣховное, неугодное Богу: извѣстно библейское сказаніе о томъ, какъ гнѣвъ Божій постигъ Давида за народную перепись. Мысль о грѣховности такихъ записей еще болѣе усиливается тѣмъ, что послѣдователю „древняго благочестія“ приходится писаться или *раскольникомъ*—и тѣмъ похулить это свое благочестіе, или *привославнымъ*—и слѣдовательно отречься отъ своего исповѣданія: то и другое было бы равносильно отступничеству отъ древлепреданной отеческой вѣры. Такое воззрѣніе, лежащее въ основѣ и противоокружническаго метрикоборства, и странническаго отрицанія всякихъ документовъ (особенно паспортовъ), и аналогичныхъ явленій въ другихъ толкахъ раскола, въ послѣднемъ своемъ развитіи приходитъ къ тому, что запись въ метрики или переписные листы представляется преданіемъ себя во власть антихриста и наложеніемъ его всескверной печати. Для воображенія, уже и безъ того сильно занятаго мыслью объ антихристѣ, послѣднемъ бого-

отвлеченнаго дѣла, которое не справлялось съ виѣшней жизнью и дѣйствительностью“. (Проф. Сикорскій, цит. сл., стр. 459).

¹⁾ Ниже мы представимъ нѣкоторыя свои соображенія на этотъ счетъ.

²⁾ Русск. Богатство, май, стр. 171—5.

борць и мучителѣ правовѣрныхъ, слухъ о переписи, такимъ образомъ, естественно могъ показаться подтвержденіемъ страшныхъ опасеній и еще болѣе обострить эти страхи. Теперь мысль о гоненіи прямо привязывается къ переписи: возникаютъ толки, что будутъ насильно заставлять вписывать свои имена въ антихристовы списки, а въ случаѣ отказа — сослать въ Петербургъ, гдѣ за такой отказъ „изотрутъ въ порошокъ“ на особой „машинкѣ“. По словамъ Ковалева, подобные толки, распространившіеся среди скитниковъ, сильно дѣйствовали на ихъ настроеніе, еще болѣе усиливая общую атмосферу непрерывной тревоги и почти уже стихійнаго, непреодолимаго ужаса.

Рефератъ г. Кальнова не передать *съ строгою раздѣльностью и полнотою* порядка дальнѣйшихъ событій— послѣ появленія указанныхъ слуховъ о переписи; восстанавливая этотъ порядокъ по другимъ, вполне достовѣрнымъ, указаніямъ и пополняя ими сообщенное референтомъ, находимъ слѣдующее.

Когда прошли первые слухи о переписи, Виталія объявила своимъ послѣдователямъ, что это и есть *печать антихристова*, своеобразно подтверждая это тѣмъ, что оба слова: „печать“ и „перепись“ начинаются съ одной и той же буквы ¹⁾; внесеніе христіанскаго имени въ перепись, по ея словамъ, равносильно наложенію этой печати и вѣчной гибели челоуѣка. Чтобы избѣгнуть этой гибели, оставалось или скрыться куда-нибудь (какъ и поступила часть мѣстныхъ раскольниковъ, сбѣжавшихъ за границу), или— что гораздо надежнѣе—покончить съ собою добровольнымъ мученичествомъ, и Виталія убѣждаетъ своихъ послѣдователей *запоститься*, не дожидаясь, что будетъ дальше.

1) Подобныя толкованія совершенно въ духѣ старообрядческаго раскола и не представляются единичными; аналогичныя разсужденія слышались и въ другихъ мѣстахъ при самомъ производствѣ переписи. Такъ, когда одной старухѣ изъ начетчицъ было отказано въ ея убѣдительныхъ просьбахъ освободить ее отъ заниси въ переписной листъ, она, увидѣвъ, что кромѣ листа А (куда ее слѣдовало внести, какъ крестьянку) у переписчика есть листъ Б (для населенія не-крестьянскаго), стала упрашивать записать ее въ листъ Б, такъ какъ этотъ, обозначенный литерою „букки“, листъ есть *божескій*, а обозначенный буквою „азъ“ — *антихристовъ* (Русск. Богат, май, стр. 174).

Скоро, однако, она пришла къ другому рѣшенію — не относительно самаго выхода изъ грозившей опасности, а относительно *способа* добровольной смерти. По словамъ Ѳ. Ковалева, передаваемымъ г. Кальневымъ, Виталія, разыскивая указанія относительно того, какъ должно умереть въ антихристово время, вычитала въ какой-то книжкѣ слова: „заложать досками, засыплють песками“¹⁾ — и съ тѣхъ поръ, по-видимому, сперва осторожно, черезъ другихъ²⁾, а потомъ и сама прямо и открыто начала пропо-

1) Вѣроятно, эти или имъ подобныя (не точно передавныя Ковалевымъ) слова были заимствованы Виталіей изъ какой-нибудь записи „морельщическихъ“ пѣсней, въ которыхъ въ уста „Христа, Царя небеснаго“ вкладываются такія, напр., увѣщанія всѣмъ, желающимъ избѣгнуть гибели въ антихристовы времена:

„Убѣгайте, мои свѣты,
Въ лѣса, въ дальнія пустыни;
*Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами;
Умирайте, мои свѣты
За крестъ святой, за молитву*“ и т. д.,

или:

„Вы бѣгите въ темны лѣсы,
*Зарывайтесь песками,
Рудожелтыми хрящами,
Помирайте ка въ голодомъ:
Не умрете, оживете,
Моего царства не мните*“...

(*Варенцевъ В.* Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 197 и 203, СПб. 1860).

2) См. проф. *Сикорскаго*, цит. ст., стр. 462—4. ср. ст. *о. Вижевскаго*, стр. 251—2. По словамъ того же Ѳ. Ковалева, передаваемымъ здѣсь, мысль о добровольной могилѣ впервые была высказана его женой, Анюшей, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Всего за вѣсколько дней до роковыхъ событій, во время безсонной ночи, проведенной въ избѣ Пазара Ѳомина. разсуждали о судьбѣ дѣтей въ случаѣ ожидавшагося заключенія взрослыхъ въ остроги; высказаны были опасенія, что дѣти будутъ записаны въ антихристовы списки и обращены въ инокѣанство. Тогда Анюша, державшая на рукахъ ребенка, крѣпко прижала его и объявила, что скорѣе ляжетъ съ дѣтми въ могилу, чѣмъ отдастъ ихъ на чопибель вѣчную. Когда эти слова были переданы Виталіи, она сказала, что это—„пророчество“, прямое указаніе небесъ, и тутъ же строго заявила Ковалеву, что на него падеть грѣхъ за три души, если онъ помѣшаетъ такому рѣшенію. Проф. Сикорскій справедливо, на нашъ взглядъ, полагаетъ, что самое „пророчество“ это незначѣтно для произнесшей его, было поговорено и внушено Виталіей.

вѣдовать необходимость зарыться заживо въ землю для избѣжанія нестерпимыхъ мукъ отъ антихриста и его „жестокыхъ приставниковъ“. Какъ только созрѣла вполне мысль о наилучшемъ способѣ самоистребленія, нашлись и желающіе воспринять этимъ способомъ добровольный мученическій вѣнецъ: въ ночь на 23 декабря *девять* человекъ, въ одеждѣ раскольническихъ иноковъ, со свѣчами въ рукахъ, съ молитвой на устахъ, сошли въ добровольную могилу, вырытую въ видѣ ниши въ погребѣ на усадьбѣ Ковалевыхъ... Ужасная обязанность быть могильщикомъ этихъ живыхъ мертвецовъ выпала на Федора Ковалева. Это былъ человекъ, вполне увѣровавшій въ „матушку Виталію“, но сперва и его „оторопь взяла“: предстояло совершить *убійство*, на которое не хватало рѣшимости. Виталія съумѣла успокоить этотъ протестъ совѣсти. Вѣдь, не всякое убійство должно быть одинаково оцѣниваемо: не одно и то же дѣло Каина и — Финееса. Убѣжденіе подѣйствовало, совѣсть успокоилась. Въ первой же партіи заживо погребаемыхъ Ковалевъ замуровываетъ свою жену съ двумя дѣтьми,—и ему „не жалко и не страшно“, у него „душа радуется“ этой гибели дорогихъ существъ, въ твердой увѣренности, что „они пошли не на муку, а въ царствіе небесное“... Примѣръ первыхъ вольныхъ мучениковъ не остался безъ подражанія, и черезъ четыре дня (въ ночь съ 26 на 27 декабря) новая могила, вырытая въ полтора верстахъ отъ скита, на усадьбѣ Матвѣя Сухова, приняла *шесть* новыхъ человѣческихъ жертвъ.

Такимъ образомъ, пятнадцать человекъ укрылись подъ землею отъ „печати антихристовой“, добровольною смертію защитивъ себя отъ ожидаемыхъ невольныхъ, нестерпимыхъ мукъ. Между тѣмъ, настало время пророциса. „Вотъ когда печать-то антихристова явилась!“ возвѣстила своимъ последователямъ Виталія при появленіи счетчика, и вмѣсто требуемыхъ записей высынувшаяся изъ оконца рука передала пришедшему слѣдующую характерную отповѣдь (воспроизводимъ ее съ полною точностью):

Г. Г. Х. С. В. И. М. Т.

Мы христіане. Намъ нельзя никакова некое дѣла принимать, и мы не согласны по неволѣ и занисовать наше имя и отчество.

Памя Хреста есть за всѣхъ и отечество и имя и честь. А ваша новый оустави и метрика ѿчюждаютъ ѿ Хреста и отъ истиннымъ христіанскимъ вѣры и приводятъ въ самоотверженіе отечества, а наше отечество Хрестъ. Памя Гдѣ глаголетъ въ стѣомъ евангеліи своемъ (Мѣ Зѣ ДІІ). Рече Гдѣ своимъ оучникомъ: всѣмъ оубо иже исповѣсть ма прѣчаки, исповѣмъ его и азъ прѣоцемъ моимъ, иже на нѣсѣхъ, а иже ѿвержется мене прѣчки ѿвергѣса его и азъ прѣоцемъ моимъ иже на нѣсѣхъ. посему ѿвѣщаемъ мы вамъ въ кратцѣ и окончательнѣ, что мы ѿ истиннаго бѣа нашего Іса Хрста ѿверженіа ни хочемъ и ѿ православнымъ веры и ѿ стымъ соборнымъ и апльскимъ цркви ѿступити ни желаемъ и что стіи бцы стыми соборами принамли, то и мы принимаемъ, а что стіи бцы и стіи апли проклали и ѿриндли, то и мы проклинаемъ и ѿрѣваемъ. А вашимъ новымъ законамъ повиновагиса никогда ни можемъ, но желаемъ паче за Хрста умерети ¹⁾.

На всѣ предложенія и убѣжденія властей сообщить требуемая свѣдѣнія какимъ угодно способомъ, хотя бы безъ записи въ переписныя таблицы и безъ сообщенія дѣйствительныхъ именъ, скитники отвѣтили полнымъ отказомъ, такъ какъ подобное предложеніе, по словамъ Виталіа, значило лишь, что „врагъ хочетъ уловить ихъ крючками“ (т. е. хитростью). Вслѣдствіе этого отказа шесть человекъ, вмѣстѣ съ Виталіей, были арестованы за *безпаспортность* и заключены въ мѣстную тюрьму. Для несчастныхъ, уже окончательнѣ сбитыхъ съ толку своими непрерывными страхами и ожиданіями, это, конечно, было рѣшительнымъ подтвержденіемъ того, что они дѣйствительно попали въ руки антихристовыхъ слугъ, которые, не добившись ничего „лестію“, хотятъ теперь вынудить отроченіе отъ вѣры страшными муками на „петербургской машинкѣ“. Чтобы избѣгнуть опасности ослабѣть подъ мученьями и измѣнить Христу, Виталія и ея союзники рѣшаются здѣсь же, въ тюрьмѣ, заморить себя голодомъ. Въ продолженіе пяти дней ареста они безусловно отказывались отъ пищи и питья и ослабѣли до того, что едва держались на ногахъ. Они

¹⁾ Заимствуемъ текстъ этого заявленія изъ статьи г. *Звѣздича*: Въ свигу у „бѣгуновъ“ (Русск. Вѣдом., № 136). Текстъ этотъ, голько въ русской транскрипціи, приведенъ также въ „Камско-Волжск. Краѣ“, № 485, въ „Историч. Вѣстн.“, окт., стр. 269 и въ Братск. Словѣ, сент., стр. 253—4.

умоляли только тюремныхъ властей возвратить вещи, отобранныя при арестѣ: монашескія одежды и разрѣшительныя грамоты или, по крайней мѣрѣ, похоронить ихъ въ этихъ одеждахъ и съ этими грамотами. Видя, что они безповоротно рѣшили запоститься въ тюрьмѣ, мѣстные судебныя власти 9 февраля 1897 года распорядились выпустить ихъ подъ домашній арестъ,—а въ ночь съ 10 на 11 еще *четыре* скитницы были зарыты Ковалевымъ въ простой могильной ямѣ, вырытой на участкѣ Горзина, въ двухъ верстахъ отъ скита ¹⁾). Наконецъ, ночью съ 27 на 28 февраля была замурована имъ въ новой нишѣ (устроенной въ томъ же погребѣ, гдѣ и первая) четвертая и послѣдняя партія добровольно обречшихъ себя на смерть, въ количествѣ *шести* человекъ, въ томъ числѣ мать Ковалева, его братъ Дмитрій и сама Виталія. Уходя въ могилу, она взяла съ собою принадлежности причащенія: сосудъ, лжицу и два илтона, которые и найдены были при ней впоследствии, когда были открыты трупы заживо похороненныхъ. Въ своемъ предсмертномъ наставленіи Кавалеву, предсказывая скорое наступленіе второго пришествія (не далѣе, какъ на пасху 1897 года), Виталія убѣждала его послѣдовать за своими жертвами: „скройся, заройся, умря, не живи“, ибо опасность вѣчной гибели еще не миновала. Но этотъ предсмертный завѣтъ остался неисполненнымъ: Ковалевъ остался жить, и когда впоследствии открылось его ужасное дѣло, послѣ нѣкотораго упорства указаль могилы и назваль имена своихъ жертвъ...

¹⁾ Въ составъ этой партіи вошли три старухи, оставшныя на свободѣ („забракованныя“) изъ-за своей дряхлости при вышеупомянутомъ арестѣ, и молодая дѣвица, сестра Ѳ. Ковалева, Авдотья. Съ послѣднею—какъ узнаемъ изъ статьи проф. Сикорскаго—во время содержанія ея, вмѣстѣ съ другими, въ тюрьмѣ, случился слѣдующій эпизодъ. Она, подобно другимъ, не называла себя, чтобы не быть записанной; но кто-то изъ родныхъ, при посѣщеніи, опозналъ ее, что и дало возможность властямъ записать ея фамилію. Она признала это равносильнымъ антихристовой записи и впала въ тоску. Хотя по освобожденіи изъ-подъ ареста Виталія „отчитывала“ ее, но она не успокоилась и искала смерти, продолжая отказываться отъ пищи. „Она проводила свое время молча, въ силчьемъ положеніи, согнувшись и прислонившись, и безротно страдала. ея видъ возбуждалъ безграничную жалость, какъ можно заключить изъ разсказовъ Ковалева“. (Сикорскій, цит. ст., стр. 478). Проф. Сикорскій высказываетъ положительную увѣренность, что она была въ это время помѣшанной.

Таковы обстоятельства этого ужаснаго событія, глубоко всколыхнувшаго общественное настроеніе и вызвавшаго доселѣ не покончившіеся толки. Не касаясь изложенныхъ фактовъ во всей широтѣ ихъ общественнаго значенія, мы должны теперь остановиться лишь на той ихъ сторонѣ, которая была предметомъ обсуждения на съѣздѣ миссіонеровъ: на выясненіи вопроса о томъ, на почвѣ какихъ именно воззрѣній сложилась эта роковая рѣшимость двухъ съ половиной десятковъ людей обречь себя на добровольную гибель, на страшную и мучительную смерть подъ землей,—какому изъ существующихъ въ настоящее время расколническихъ толковъ принадлежитъ незавидное право причислить Виталію и ея послѣдователей къ лику своихъ „вольныхъ мучениковъ за древлее благочестіе“. Вопросъ этотъ былъ поставленъ и сдѣланы были попытки разрѣшить его еще задолго до представленія доклада о тираспольскихъ событіяхъ третьему миссіонерскому съѣзду. Еще въ то время, когда только началось дѣлопроизводство и собирались на мѣстѣ свѣдѣнія о жертвахъ ужасной катастрофы, мнѣнія раздѣлились и было высказано два совершенно различныхъ взгляда по указанному вопросу. Представитель слѣдствія со стороны духовной власти, г. Кальневъ (вышеупоминавшійся), пришелъ къ заключенію, что Виталія и ея послѣдователи принадлежали къ толку бѣгуновъ или странниковъ, отличающемуся своимъ фанатически-отрицательнымъ отношеніемъ ко всему существующему церковно-общественному строю, въ которомъ бѣгуны видятъ ясные признаки наступленія царства антихристового. Развивая свое ученіе о наступленіи антихристового царства, странники, какъ извѣстно, не только проповѣдуютъ необходимость бѣжать отъ антихриста и его слугъ—представителей гражданской власти—въ горы и вертепы, но приходятъ и къ болѣе рѣшительнымъ выводамъ, указывая въ *добровольной смерти* лучшей способъ избѣжать лести антихристовой и мучительства отъ его прислѣзниковъ, на все готовыхъ наложить его всепагубную печать. Въ фактѣ зарытія обречшихъ себя на добровольную смерть тираспольскихъ скитниковъ г. Кальневъ видѣлъ и указывалъ практическое осуществленіе этихъ крайнихъ выводовъ изъ бѣгунскаго уче-

ніа ¹⁾. Тотъ же самый взглядъ былъ заявленъ и на страницахъ одного спеціального миссіонерскаго журнала, въ замѣткѣ по поводу тираспольскаго событія ²⁾. Но еще тогда же, при самомъ началѣ слѣдствія по названному дѣлу, обозначилось и другое мнѣніе, нашедшее себѣ затѣмъ авторитетную поддержку въ печати, — мнѣніе, что тираспольскія жертвы были и до конца остались послѣдователями австрійской іерархіи изъ толка противоокружниковъ-метрикоборовъ, какъ извѣстно, возстающихъ противъ всякихъ записей въ метрику и т. под. документы, усматривая въ такихъ записяхъ отреченіе отъ Христа и присвоеніе антихристу. Такой взглядъ на участниковъ тираспольскихъ событій былъ высказанъ въ появившейся во время самаго съѣзда и подписанной весьма извѣстнымъ именемъ статьѣ одной изъ большихъ московскихъ газетъ ³⁾ и затѣмъ полнѣе развитъ на страницахъ другого спеціального миссіонерскаго журнала ⁴⁾. Оба указанныя мнѣнія нашли себѣ представителей и на съѣздѣ, при обсужденіи здѣсь вопроса о тираспольскихъ событіяхъ. Первое, обставленное рядомъ соображеній и доказательствъ, заимствованныхъ изъ данныхъ оффиціального дѣлопроизводства, было раскрыто г. Кальневымъ, вслѣдъ за изложеніемъ событій печальной тираспольской катастрофы; второе было заявлено нѣсколькими присутствовавшими на съѣздѣ оо. миссіонерами, имѣвшими возможность, по ихъ словамъ, собрать частнымъ образомъ

1) По словамъ корреспондента „Олесскихъ Новостей“, этого же взгляда держались и нѣкоторые изъ свѣтскихъ властей, производившихъ слѣдствіе.

2) Мисс. Обзор. 1897 г., июнь, кн. I, стр. 541. 2. „Тираспольскіе фанатики—читаемъ мы здѣсь—принадлежали несомнѣнно къ тому бѣгуновъ или странниковъ, который содержитъ изувѣрное ученіе о чувственномъ (?) воцареніи на землѣ автихриста въ лицѣ царствующихъ императоровъ русскихъ, вслѣдствіе чего послѣдователи этой секты не признаютъ себя обязанными отбывать никакихъ повинностей государственныхъ, ни паспортовъ, ни переписи, считая послѣднюю печатью автихриста“. Бѣгунами же названы были жертвы тираспольской катастрофы и въ другихъ органахъ печати, хотя, кажется, иногда безъ яснаго представленія о характерѣ религіозныхъ воззрѣній, соединяемыхъ съ этимъ наименованіемъ (напр. въ „Русск. Богатствѣ“, май, стр. 175, „Сѣвер. Вѣстн.“, июнь, стр. 301, гдѣ явно смѣшиваются „бѣгуны“ и „прыгуны“).

3) Моск. Вѣд., № 205: ср. Братск. Слово, окт., стр. 387—392.

4) Братск. Слово, стр. 244—263

подробныя свѣдѣнія о всемъ происшедшемъ—на мѣстѣ, отъ лицъ, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ несчастнымъ жертвамъ самоистребленія. По поводу возникшаго такимъ образомъ разногласія, не устраненнаго и послѣдовавшимъ за тѣмъ обмѣномъ мыслей въ общемъ засѣданіи, была назначена особая, изъ небольшого числа членовъ, коммиссія для разсмотрѣнія относящихся къ этому дѣлу данныхъ и для установленія окончательныхъ заключеній по вопросу о принадлежности заживо похороненныхъ къ тому или другому изъ названныхъ толковъ. — Нѣтъ нужды воспроизводить здѣсь подробно ни тѣхъ преній, какія происходили въ общемъ засѣданіи 29 іюля, ни тѣхъ разсужденій, какія велись въ коммиссіи по названному предмету. Группируя все, высказанное и выясненное тамъ и здѣсь, мы воспроизведемъ лишь тотъ рядъ аргументовъ, какой оказался въ распоряженіи каждой изъ спорящихъ сторонъ въ результатѣ взаимнаго разъясненія дѣла. Въ заключеніе же позволимъ себѣ присоединить и съ своей стороны нѣсколько дополнительныхъ соображеній по поводу загадочнаго и ужаснаго происшествія, бывшаго предметомъ упомянутыхъ сейчасъ обсужденій.

Однимъ изъ первыхъ основаній, точнѣе—ближайшимъ обстоятельствомъ; натолкнувшимъ на мысль о принадлежности Виталии и ея послѣдователей къ безпоповщинѣ, и именно—къ одному изъ крайнихъ безпоповщинскихъ толковъ, странническому, была, по словамъ самого г. Кальнева, *народная молва*, называвшая обитателей ковалевского скита неприемлющими священства и даже прямо „бѣгунами“¹⁾,—молва, какъ будто подтверждавшая тѣмъ, что

¹⁾ Послѣдователями секты, *не приемлющей священства*,—если вѣрить газетнымъ корреспондентамъ и тѣмъ, отъ кого они заимствовали свои свѣдѣнія,—мѣстные раскольники противоположнаго толка (изъ партіи примирившейся съ Кирилломъ) считали членовъ виталиевского кружка на основаніи ихъ же собственныхъ заявленій. Такъ, по словамъ упоминавшагося раньше попа названной партіи, Г. Рудакова нѣкто Соловьевъ, совращенный Виталией, скрывалъ это даже отъ своихъ родныхъ, но потомъ признался Рудакову, что „прислалъ къ сектѣ, не приемлющей священства“ (Русск. Вѣд., № 136). О томъ, что „духовныя лица православной, единовѣрческой и старообрядческой церкви“ (?) въ первое время производства слѣдствія по тираспольскому дѣлу называли послѣдователей Виталии именно „бѣгунами“, см. тамъ же.

одна изъ послѣдовательницъ Виталіи называла себя (въ письмахъ) „странницей“, говорила о необходимости „по-странствовать“ ради своихъ грѣховъ, и еще больше—тѣмъ, что сама Виталія, какъ сказано выше, заставляла переписывать и распространяла между своими какую-то вырѣзку *статьи о бѣгунахъ* изъ „Томскихъ Вѣдомостей“. Къ этимъ чисто внѣшнимъ указаніямъ, больше наводящимъ на догадку о бѣгунскомъ характерѣ скитской общины, чѣмъ дѣйствительно обосновывающимъ подобную мысль, присоединяется цѣлый рядъ другихъ, внутреннихъ признаковъ, и прежде всего — *безпоповщинскій характеръ ученія и быта* названной общины, опредѣлившійся послѣ разрыва ея руководительницы съ епископомъ Симеономъ. Какъ выраженіе именно безпоповщинскихъ началъ, отмѣчены были референтомъ вышеприведенныя заявленія Виталіи, что „поповская вѣра хуже жидовской“ и т. под. Эти заявленія, какъ известно, нашли себѣ примѣненіе въ томъ, что Виталія порвала всякое общеніе съ мѣстнымъ раскольническимъ духовенствомъ и *сама* стала совершать богослуженіе для скитниковъ, даже причащала ихъ, а иногда частныя требы совершали и другіе члены общины¹⁾). Особенно замѣтно, по мнѣнію г. Кальнева, безпоповщинско-бѣгунскій характеръ секты выразился въ *ученіи объ антихристѣ* (для характеристики котораго, впрочемъ, какъ выяснилось изъ преній, почти нѣтъ другихъ данвыхъ, кромѣ приведеннаго ранѣе „Слова отъ старчества“) и о слугахъ его. „приставникахъ немилостивыхъ“, печать его налагающихъ. Практическіе выводы изъ этого ученія, сближающіе тираспольскихъ скитниковъ съ бѣгунами, указаны были слѣдующіе: а) *отрицаніе денегъ*, которыхъ сама Виталія не принимала уже довольно задолго до описанныхъ событій, но—уступая требованіямъ жизни—позволяла брать своимъ послѣдователямъ изъ мірянъ; б) *отрицаніе паспортовъ* и всякихъ письменныхъ видовъ (у самой Виталіи послѣдній паспортъ былъ шесть лѣтъ тому назадъ, другіе обитатели скита также не имѣли письменныхъ видовъ, потому что „матушка“ не ве-

1) Такъ, по словамъ референта, Ѡ. Ковалевъ, на вопросъ: кто крестилъ его дѣтей? отвѣчалъ, что „самъ крестилъ, потому что священство отвергли“.

дѣла); в) въ частности—*отказъ отъ перенеси* и тщательное скрытіе своихъ именъ: выкаблыванье ихъ въ разрѣшительныхъ грамотахъ, скрытіе при допросѣ и достоверно извѣстный фактъ, что съ Ковалева была взята Виталіей страшная клятва не называть именъ заживо похороненныхъ. Всѣ эти черты, въ большей или меньшей степени свойственныя и нѣкоторымъ другимъ раскольническимъ толкамъ, получаютъ значеніе квалифицирующихъ признаковъ въ связи съ другими, болѣе спеціальнымъ. Таковыми были выставлены: *крайній аскетизмъ*, практиковавшійся въ скиту и доходившій до рѣшимости запоститься, *заповѣдь* Ковалеву непременно *покончить съ собою* тѣмъ или другимъ способомъ ради спасенія души и *самый фактъ самоистребленія*, невольно воскрешающій въ памяти аналогичные факты, извѣстные относительно бѣгуновъ. Аналогія между этимъ толкомъ и кружкомъ заживо похороненныхъ еще болѣе замѣтна въ *устройствѣ ковалевскаго скита*, представляющемъ поразительное сходство съ устройствомъ помѣщеній для скрытниковъ въ домахъ „жилыхъ бѣгуновъ“. Наконецъ, нужно присоединить къ этому и *чрезвычайно неустойчивое, текучее, подвижное населеніе скита*, въ которомъ часто появлялись, кромѣ его постоянныхъ обитателей, неизвѣстные переходящіе раскольническіе монахи и монахини: „поживуть поживуть, да и уйдуть“ — Всѣ эти данныя, нерѣшая съ непрерываемостію вопроса о принадлежности заживо похороненныхъ къ извѣстному, характеризуемому опредѣленными признаками, безноповщинскому толку бѣгуновъ, давали однако, по мнѣнію референта, право видѣть здѣсь „недоразвившееся бѣгунство“.

Мнѣніе это, предъявленное съѣзду, вызвало цѣлый рядъ возраженій, направленныхъ противъ указанныхъ признаковъ и ихъ опредѣляющаго значенія. Не говоря уже о такомъ малоубѣдительномъ въ подобныхъ случаяхъ указателѣ, какъ народная молва (которой можно было бы противопоставить противоположные толки),— даже и болѣе вѣскія, по-видимому, данныя въ пользу изложеннаго мнѣнія показали большинству членовъ съѣзда не достаточно убѣдительными и вызвали возраженія со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ. Ослабляя силу сдѣланныхъ референтомъ указаній, возражатели, прежде всего, не находили основаній признать уче-

ніе Виталіи безпоповщинскимъ, объясняя ея рѣзкія выраженія объ іерархіи, какъ частныя (направленныя противъ сторонниковъ Кирилла и Симеона), и вида въ нихъ только *порицаніе лицъ*, а не *отрицаніе священства вообще*. Не находили они также возможнымъ признать характерно-безпоповщинскимъ, и въ частности—именно бѣгунскимъ проповѣдовавшееся въ ковалевскомъ скиту ученіе объ антихристѣ, о которомъ и противооужники учатъ весьма сходно съ безпоповцами, а равно и выводъ изъ этого ученія: отрицаніе паспортовъ, записей и т. под. Извѣстно, что борьба противъ метриковъ составляетъ одинъ изъ главныхъ боевыхъ пунктовъ мѣснаго (тираспольскаго) противооужничества; подозрительно отнеслись эти метрикоборцы и къ переписи, по извѣстнымъ уже, указаннымъ выше основаніямъ. При неопредѣленности ученія скитниковъ объ антихристѣ ихъ попытку запостыться и затѣмъ самый фактъ самоистребленія нельзя съ полною увѣренностію разсматривать, какъ прямой выводъ изъ названной доктрины, а скорѣе—какъ проявленіе фанатизма, возможное не въ одномъ только странничествѣ. Предположеніе относительно послѣдняго, кромѣ ряда другихъ основаній, указываемыхъ ниже, подрывается тѣмъ, что мы совсѣмъ не видимъ въ общинѣ Виталіи *перекрещиванія*, составляющаго, какъ извѣстно, обычный способъ принятія въ толкъ бѣгуновъ: Виталія только *постригаетъ* вновь поступающихъ членовъ общины, что, наоборотъ, не практикуется въ бѣгунствѣ.—Признавая не доказанною мысль о принадлежности жертвъ тираспольской катастрофы къ странническому толку, оппоненты г. Кальнева, въ противоположность ему, утверждали, что Виталія была и осталась, вмѣстѣ съ своими послѣдователями, *протооужницей*, что утверждалось, какъ мы упоминали, и въ одной газетной статьѣ, появившейся какъ разъ ко времени обсужденія даннаго вопроса въ специально назначенной для сего комиссіи и принятой во вниманіе при этомъ обсужденіи. Сводя вмѣстѣ всѣ данныя, представленныя въ качествѣ основаній въ пользу только—что указаннаго мнѣнія, получаемъ слѣдующее. По словамъ его сторонниковъ, такъ называемыхъ „странниковъ“ въ Тираспольскомъ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ; все раскольническое населеніе этого уѣзда, за весьма немногими исключеніями, принадлежитъ къ толку

поповцевъ—противоокружниковъ, къ которому до изв. событій безспорно принадлежала и семья Ковалевыхъ, и всѣ обитатели ихъ скита, не исключая и Виталии. Утверждать, что эти скитники впослѣдствіи перестали быть противоокружниками, можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы было съ точностію установлено, что они совершенно порвали всякую связь съ представителями противоокружнической іерархіи. Относительно Симеона и его сторонниковъ это такъ и было; но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что въ сентябрѣ или октябрѣ прошлаго года одна изъ скитницъ, Прасковья Сухова, ѣздила, по порученію Виталии, къ Іосифу нижегородскому, и есть слухи (впрочемъ, не доказанные), что сама Виталия путешествовала къ нему же мѣсяца за четыре предъ тѣмъ. Отсюда можно заключать, что связи съ противоокружнической іерархіей не были порваны окончательно; этому не противорѣчатъ и послѣдующіе факты. Отказываясь дать какія бы то ни было свѣдѣнія для переписи, обитатели ковалевской усадьбы и скита дѣйствовали какъ убѣжденные противоокружники — метрикоборы, прямо заявляя, что „новый уставъ и метрики отчуждаютъ отъ Христа и отъ истинныхъ христіанскія вѣры“. Когда затѣмъ они были арестованы за такой отказъ, въ ихъ котомкахъ „нашлись *несомнѣнныя* указанія принадлежности Виталии и ея товарищей къ послѣдователямъ австрійскаго противоокружническаго священства, — это были именно погребальныя монашескія одежды и (главное) разрѣшительныя грамоты, выданныя имъ „епископомъ Симеономъ“ (очевидно, еще до разрыва съ нимъ Виталии и до утраты, по ея понятіямъ, благочестія), въ которыхъ были только выскоблены имена самыхъ лицъ, получившихъ сіи грамоты, изъ опасенія, какъ бы они не были занесены въ переписные списки. Виталия и ея союзники убѣдительно просили положить ихъ въ гробъ, если умрутъ, въ этихъ одѣяніяхъ и съ этими грамотами, усвоивъ, очевидно, особенную важность прописанному въ нихъ епископскому разрѣшенію отъ грѣховъ“. Между тѣмъ, у непоповцевъ, по словамъ о. прот. К. Крюкова, нѣтъ и не можетъ быть разрѣшительныхъ грамотъ ¹⁾,

¹ При обсужденіи этого предмета было сообщено (о. миссіонеромъ костромской епархіи), что одинъ *бѣгунокъ*—иконникъ по ремеслу—писалъ

а у странниковъ въ частности — нѣтъ постриженія въ монашество. Наконецъ, весьма важнымъ обстоятельствомъ, говорящимъ въ пользу даннаго мнѣнія и противъ ранѣе изложеннаго, выставлялось то, что „уходя въ свою произвольную могилу, Виталія взяла съ собой, въ напутствіе, священныя вещи — сосудъ, лжицу и пелену, которые по разрытіи могилы найдены у нея подъ головой, чего *никакъ не сдѣлали бы ни странники и никто изъ беспоповцевъ*“¹⁾.

Доказательная сила только-что упомянутыхъ вещественныхъ признаковъ въ преніяхъ, происходившихъ по поводу ихъ, ослаблялась указаніемъ на то, что Виталія, по словамъ оставшагося въ живыхъ Ѳ. Ковалева, причащалась сама и причащала другихъ древними запасными частицами „отъ старинныхъ поповъ лѣтъ за сто“: хранить такой „запасъ“ представлялось бы совершенно излишнимъ, если бы Виталія дѣйствительно принадлежала передъ смертью къ поповщинскому толку и не порвала окончательно общенія съ противоокружнической іерархіей; вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о причащеніи представлялась нѣкоторымъ вовсе ужъ не въ такой степени чуждою беспоповству и даже—въ частности—бѣгунамъ²⁾. Съ этимъ, однако, не находили возможнымъ согласиться защитники излагаемаго взгляда, подвергая со-

разрѣшительныя молитвы: къ сожалѣнію, сообщеніе это осталось непровѣренными указаніями другихъ, непосредственно знакомыхъ съ жизнью раскола, лицъ, и весьма любопытный въ данномъ случаѣ фактъ не установленъ съ полною точностію.

¹⁾ Моск. Вѣд., № 205; Братек. Слово, отк., стр. 391—2. Позволяемъ себѣ привести здѣсь эти буквальные выдержки, какъ вполнѣ точно передающія смыслъ замѣчаній, сдѣланныхъ и въ комиссіи съѣзда защитниками излагаемаго мнѣнія.

²⁾ По словамъ того же (вышеупомянутаго) костромскаго о. миссіонера, странники—*іерархиты* (о нихъ см. *архим. Павла.*—Краткія извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ, стр. 75—6, М. 1885) причащаются дарами, вынесенными, будто-бы, нѣкогда изъ Соловецкаго монастыря. Это сообщеніе объ іерархитахъ отрицалось другимъ членомъ съѣзда, миссіонеромъ—сотрудникомъ Ярославской епархіи, Н. И. Касаткинымъ (бывшимъ бѣгуномъ): послѣднему извѣстенъ только случай, когда одинъ бѣгунъ *причащался масломъ отъ лампады* (откуда можно, однако, заключать, что знаніе необходимости таинства причащенія не чуждо и нѣкоторымъ послѣдователямъ беспоповщинскихъ толковъ).

мнѣнію и даже прямо отрицая фактъ причащенія какими-то мнимо-древними запасными дарами, которыхъ, по ихъ мнѣнію, не было и не могло быть у Виталии, принимавшей прежде австрійское противоокружническое священство. Не признавая убѣдительными возраженій своихъ противниковъ, они, въ виду изложенныхъ основаній, считали несомнѣннымъ, что изувѣры, совершившіе страшное дѣло въ тираспольскихъ плавняхъ, были и до конца остались послѣдователями поповщинскаго противоокружническаго толка.

Коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія этого дѣла, подъ предсѣдательствомъ проф. Ивановскаго, обсудивъ всѣ вышешложенные данныя, *не пришла ни къ какому опредѣленному рѣшенію поставленнаго ей вопроса*, признавъ для этого необходимымъ предварительно „снова опросить Ковалева и другихъ прикосновенныхъ лицъ по изложеннымъ обстоятельствамъ противорѣчиваго характера, а также разъяснить, сколько возможно, побѣдку Виталии къ Іосифу. — Выслушавъ заключеніе коммиссіи, съѣздъ постановилъ — принять оное къ свѣдѣнію“ ¹⁾...

Тираспольское дѣло, какъ извѣстно изъ газетъ, прекращено производствомъ по Высочайшему повелѣнію, и слѣд., нѣтъ основаній разсчитывать на официальное уясненіе его путемъ новыхъ опросовъ прикосновенныхъ къ нему лицъ. Исслѣдователямъ современнаго раскола при обсужденія этого дѣла остается довольствоваться уже извѣстными данными, сводъ которыхъ представленъ выше, да еще развѣ лишь нѣкоторыми добавочными свѣдѣніями, добытыми частнымъ путемъ ²⁾. Пользуясь этими матеріалами, мы позволимъ себѣ здѣсь высказаться нѣсколько опредѣленнѣе относительно характера воззрѣній Виталии и ея послѣдователей, чѣмъ это сдѣлано въ приведенномъ заключеніи съѣзда.

1) Двѣни 3-го Всероссийскаго миссіонерск. съѣзда, стр. 193. Ср. Церк. Вѣдом., № 40, стр. 1426.

2) Нѣкоторыя весьма любопытныя свѣдѣнія этого рода сообщены въ неоднократно упомянутой раньше статьѣ проф. Сикорскаго. Свѣдѣнія эти особенно интересны и цѣнны потому, что они собраны лицомъ несколько не заинтересованнымъ въ вопросѣ о характерѣ лжеученія ковалевскихъ скитниковъ и подошедшимъ къ дѣлу, какъ увидимъ ниже, совѣмъ съ другой стороны и съ иными записками.

Безспорно, что Виталія по характеру своихъ первоначальныхъ воззрѣній была ревностной противоокружницей; осталась ли она таковою до конца? Намъ кажется, что въ виду выясненныхъ ранѣе фактовъ на этотъ вопросъ едва-ли можно отвѣтить утвердительно. Мы можемъ даже прослѣдить послѣдовательный ходъ ея отчужденія, разрыва съ вождами противоокружничества и вмѣстѣ — съ доктриной названнаго толка. Ссора съ Кирилломъ положила конецъ ея общенію съ нимъ и съ Куреневскими монастырями, представляющими „главные пункты ожесточеннаго противоокружничества“. Изъ трехъ противоокружническихъ епископовъ, о сношеніяхъ съ которыми Виталіи намъ послѣ этого извѣстно, со смертью Тарасія и измѣною Симеона, остается только одинъ, нижегородскій Іосифъ, о разрывѣ съ которымъ мы не имѣемъ *прямыхъ* указаній. Однако, отсутствіе ихъ едва-ли можно понимать, какъ положительное доказательство того, что онъ навсегда остался въ сознаніи тираспольскихъ скитниковъ вѣрнымъ пастыремъ противоокружническаго стада. Если бы довѣріе къ нему не было нарушено и отношенія оставались прежними, едва-ли одинъ изъ этихъ скитниковъ сталъ бы заявлять о себѣ, что онъ присталъ къ обществу „непріемлющихъ священства“; едва-ли и сама Виталія, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ Іосифу и признавая его своимъ верховнымъ пастыремъ, могла бы такъ настойчиво заявлять, что „поповская вѣра хуже жидовской“, что не нужно ни церкви, ни поповъ, такъ какъ „каждый человекъ самъ себѣ церковь“, и т. под. Объяснять подобныя, *безъ всякихъ ограниченій высказавшіяся* сужденія, какъ относящіяся только къ мѣстнымъ попамъ партіи Кирилла и Симеона, значить, на нашъ взглядъ, допускать произвольную, ничѣмъ не оправдываемую натяжку. Понимая же ихъ въ прямомъ и точномъ ихъ смыслѣ, необходимо признать, что болѣе чѣмъ за годъ до извѣстной катастрофы у Виталіи и ея послѣдователей произошла *разрывъ не съ отдѣльными только представителями противоокружнической іерархіи, а съ самой поповщинско-противоокружнической доктриной*. За это говоритъ и весь описанный ранѣе порядокъ скитской жизни (совершеніе богослуженія самой Виталіей, причащеніе и постриженіе ея скитниковъ и т. под.), установившійся—

какъ нужно заключать изъ сообщеній о немъ — именно послѣ упомянутого разрыва.

Но здѣсь мы, по-видимому, встрѣчаемся съ сильнымъ возраженіемъ: указываютъ на поѣздку Виталии въ Керженецъ, къ Іосифу, въ маѣ прошлаго года и на поѣздку туда же Прасковьи Суховой въ сентябрѣ или октябрѣ, незадолго до самой катастрофы. Намъ кажется, однако, что возраженіе это въ дѣйствительности не особенно сильно: на поѣздки въ маѣ не настаиваютъ и сами защитники разбираемаго взгляда, а для пониманія посольства Суховой — если оно дѣйствительно было — слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя обстоятельства, уже отмѣченныя раньше. Какъ извѣстно, осенью прошлаго года въ средѣ скитниковъ распространился слухъ о предстоящемъ гоненіи, произведшій большую тревогу, почти отчаяніе, и — разумѣется — вызвавшій потребность подготовиться къ ожидаемымъ страданіямъ, а можетъ быть и смерти. Но какъ подготовиться? Вопросъ становился особенно обостреннымъ и ждалъ рѣшительнаго отвѣта; а между тѣмъ, вновь усвоенныя, не вполне установленныя воззрѣнія, проповѣдуемыя въ то время Виталией, такого отвѣта, по-видимому, не давали ¹⁾. Если доселѣ еще можно было *изыскивать* надежный путь спасенія, то теперь, въ виду близкой смертной опасности, нужно было навѣрное *знать* этотъ путь и имѣть твердую увѣренность въ его спасительности. При такихъ обстоятельствахъ недавнимъ ревностнымъ противоокружникамъ совершенно естественно, въ силу психологической необходимости, должны были припомниться ихъ прежніе, конечно, — еще не забытые религіозные навыки, могли поколебаться и на время отступить на задній планъ новые взгляды — плодъ житей-

¹⁾ Въ числѣ рукописей, найденныхъ при производствѣ слѣдствія по тирапольскому дѣлу, имѣется одна (упоминаемая, между прочимъ, и о. Вижевскимъ на стр. 260), которую считали даже произведеніемъ самой Виталии и которая во всякомъ случаѣ хорошо была ею усвоена. Воззрѣнія, излагаемыя въ ней (по вопросамъ эсхатологическимъ), до того сбивчивы и противорѣчивы, что на нихъ находили возможнымъ сослаться въ свое подтвержденіе сторонники обоеихъ вышеизложенныхъ, совершенно различныхъ взглядовъ по занимающему насъ вопросу. Это обстоятельство показываетъ, какъ вообще смутно было, по крайней мѣрѣ — въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, ученіе, проповѣдовавшееся Виталией ранѣе того, какъ у нея окончательно сформировалась мысль о самоистребленіи.

скаго раздраженія и нѣкоторыхъ личныхъ счетовъ. Подъ вліаніемъ возникшаго такимъ образомъ временнаго колебанія, неувѣренности въ правотѣ новоизбраннаго пути и создается рѣшимость, если возможно, возвратиться на старый, отъ отцовъ унаслѣдованный, и Прасковья Сухова избирается посредницей этого дѣла. Ея посольство, такимъ образомъ, можетъ и должно быть понимаемо не какъ продолженіе прежнихъ, непрерывно существовавшихъ, связей, а только какъ *попытка возстановитъ прерванныя*.

Итакъ, попытка все-таки была сдѣлана; возникаетъ вопросъ: не удалась ли она и не были-ль возстановлены связи съ противоокружнической іерархіей? По-видимому, да; доказательство—тѣ грамоты, которыя отобраны у скитниковъ при арестѣ и которыми они такъ дорожили, „усвоив, очевидно, особенную важность прописанному въ нихъ епископскому разрѣшенію отъ грѣховъ“. Но какой же епископъ могъ дать ковалевскимъ скитникамъ столь цѣнившіяся ими разрѣшительныя грамоты? Безъ сомнѣнія, Іосифъ, съ которымъ только что и — какъ естественно думать — ради этой именно цѣли предсмертнаго разрѣшенія грѣховъ возобновлены были сношенія, а отнюдь не отвергнутый навсегда и безповоротно Симеонъ? Такъ естественно было бы ожидать, если бы между Іосифомъ и тираспольскими скитниками дѣйствительно существовало общеніе не задолго до ихъ вольной смерти, но не такъ было на дѣлѣ. „Когда Виталія и пять человѣкъ ея послѣдователей за сопротивленіе переписи были арестованы, какъ бродяги“, въ ихъ котомкахъ, отобранныхъ при обыскѣ, были найдены „разрѣшительныя молитвы, *подписанныя лжеепископомъ Симеономъ*“¹⁾. Итакъ, уже въ январѣ 1897 г., слѣдовательно—*послѣ* столь настойчиво подчеркиваемой поѣздки П. Суховой къ Іосифу, Виталія и ея послѣдователи идутъ на смерть съ разрѣшительными грамотами, полученными не отъ этого будто-бы признаваемого ими непоколебимаго „столпа благочестія“, а неизвѣстно сколько времени тому назадъ—отъ Симеона, отъ котораго *окончательно* отстали

¹⁾ Свящ. М. Вижевскій, цит. ст. въ Братск. Словѣ, сѣвт., стр. 259. Здѣсь (стр. указ. и слѣд.) приведенъ и текстъ одной изъ такихъ разрѣшительныхъ грамотъ, съ пропускомъ имени лица, которому она выдана.

потомъ за его измѣну ¹⁾). Если обратить надлежащее вниманіе на это обстоятельство, то едва-ли можно не признать, что упомянутыя грамоты вовсе не такъ убѣдительно говорятъ о возстановленіи связей тираспольскихъ скитниковъ съ противоокружнической іерархіей. Эпизодъ съ разрѣшительными грамотами, правда — довольно загадочный и неясный, свидѣтельствуетъ только о томъ, что скитниками очень цѣнились найденные при нихъ списки разрѣшительной молитвы; но цѣнились они такъ, очевидно, вовсе не ради *когда-то* сдѣланной на нихъ подписи отвергнутаго и ненавистнаго лжеепископа ²⁾).

Не можетъ свидѣтельствовать о принадлежности заживо похороненныхъ, въ послѣднее время ихъ жизни, къ противоокружническому толку и то обстоятельство, что Виталія передъ смертью причащалась сама и причащала своихъ послѣдователей, о чемъ заключаютъ по найденнымъ при ней вещамъ: сосуду, лжицѣ и двумъ илитонамъ. Что дѣйствительно скитники причащались, мы знаемъ и изъ прямыхъ показаній Ѳ. Ковалева, приведенныхъ выше; но эти показанія такъ рѣшительно говорятъ противъ разбираемой нами мысли, что защитники ея на съѣздѣ не нашли ничего лучшаго, какъ заподозрить вѣрность самыхъ этихъ показаній, нахозя совершенно невѣроятнымъ, будто Виталія причащала и причащала другихъ какими-то древними запасными дарами „отъ старинныхъ поповъ лѣтъ за сто“. Между тѣмъ, показаніе Ковалева подтверждается разсказомъ другого, оставшагося въ живыхъ, обитателя скита, старика-слѣпца Якова Ярскаго, у котораго, по поводу его рѣшительнаго отказа запостаться вмѣстѣ съ другими, произошелъ слѣдующій интересный обмѣнъ мыслей съ Виталіей (не задолго до ея смерти). „Видя сопротивленіе старика, Виталія сказала, что больше не остается Святыхъ Таинъ для причащенія, что ихъ имѣется всего для одного раза: между тѣмъ, ему — старику весьма необходимо при-

¹⁾ Тамъ же, стр. 258

²⁾ Въ слѣдственномъ дѣлѣ, по словамъ г. Кальнева, имѣлось девять такихъ грамотъ. Изъ нихъ четыре представляютъ *простыя блахи* безъ всякихъ именъ, въ грамотѣ Виталіи стерто имя ея и епископа (Симеона), въ остальныхъ сохранилось имя епископа, но стерты имена тѣхъ, кому выданы грамоты.

чащаться всякіе сорокъ дней и не стоитъ отсрочивать смерти при такихъ условіяхъ. На это старикъ замѣтилъ: „нынче Тайнъ нѣтъ, а тамъ Богъ пошлетъ, *откуда-нибудь* получимъ“. Тогда Виталія сказала, что имѣющіяся у ней Тайны—*старыя, онѣ старинныхъ хорошихъ поповъ*, а нынѣшнія Тайны отъ теперешнихъ поповъ той силы не имѣютъ, и что онъ, старикъ, продолжая жизнь, будетъ лишень тѣхъ средствъ спасенія, на которыя рассчитываетъ, такъ какъ нынѣшніе попы и даже архіереи „одни противъ другихъ орудуютъ“ и Тайнъ не выдаютъ“¹⁾. Если, такимъ образомъ, Виталія находила возможнымъ столь рѣшительно заявлять своимъ послѣдователямъ, что тайны, получаемыя отъ теперешнихъ поповъ, не имѣютъ настоящей силы, что можно спастись только причащаясь старымъ запасомъ „отъ старинныхъ хорошихъ поповъ“, то говорить о ея неизмѣнной принадлежности къ поповщинско-противоокружническому толку значило бы уже прямо идти противъ очевидности.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что Виталія *была, но не осталась* до конца вѣрной послѣдовательницей противоокружничества. Сохранивши вѣру въ необходимость тайны причащенія и кое-что еще изъ прежнихъ взглядовъ, она усвоила себѣ довольно опредѣленные черты безпоповщинскаго ученія, уже извѣстныя намъ. Отлилось ли это ея безпоповство въ опредѣленную форму готовой, ранѣе существовавшей доктрины? Намъ отвѣчаютъ—да, хотя и не вполне: ученіе Виталія есть „недоразвившееся бѣгунство“. Справедливо ли такое мнѣніе?

Мы уже знаемъ тѣ основанія, какія приводились въ пользу его, и можемъ теперь, не вдаваясь въ подробности, оцѣнить ихъ доказательную силу. Что Виталія и ея скитники были знакомы съ бѣгунствомъ,—это не подлежитъ сомнѣнію. Мы видѣли, что въ своихъ исканіяхъ новой истины послѣ того, какъ было отвергнуто противоокружничество съ его іерархіей, Виталія въ числѣ другихъ книгъ нацѣлкнулась на какую-то статью о странникахъ и усердно начала ее распространять въ спискахъ между своими послѣдователями. Безъ сомнѣнія, въ этомъ обстоятельствѣ мы съ пол-

¹⁾ Проф. Викорскій, цит. ст., стр. 490.

нымъ правомъ можемъ усматривать важное свидѣтельство о сочувствіи ея основнымъ началамъ бѣгунства ¹⁾). Къ сожалѣнію, мы не можемъ съ точностью опредѣлить *сторону* вліянія этой статьи на взгляды тираспольскихъ скитниковъ, не будучи непосредственно знакомы съ ея содержаніемъ. Можно только догадываться, что основная бѣгунская мысль о необходимости въ нынѣшнее антихристово время потерпѣть за Христа, „постранствовать“, „пострадать“ — пришлась особенно имъ по душѣ, и выражающія ея слова стали излюбленными на языкѣ скитниковъ ²⁾), что, вѣроятно, послужило основаніемъ и для народной молвы, называвшей ихъ „бѣгунами“. Разумѣется, одно это еще не говорить о дѣйствительномъ усвоеніи ими всѣхъ подробностей бѣгунской доктрины и тѣмъ болѣе — о формальномъ переходѣ ихъ въ число послѣдователей этого толка. Что такого перехода не было, доказывается тѣмъ, что мы не находимъ ни малѣйшаго намека на *перекрещиванье*, какъ извѣстно, составляющее форму перехода въ настоящее бѣгунство, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ „отрицательныхъ инстанцій“, выставленныхъ противниками разсматриваемаго взгляда и указанныхъ выше (постриженіе въ монашество, причащеніе, разрѣшительныя молитвы и т. п.). Несомнѣнно и то, что въ *теоретической сторонѣ ученія* Виталии, и въ частности — въ ея не достаточно ясномъ и опредѣленномъ ученіи объ антихристѣ, насколько оно намъ извѣстно, нѣтъ основаній считать это ученіе именно бѣгунскимъ и строить на немъ собственно какія бы то ни было рѣшительныя заключенія въ этомъ смыслѣ. Спутанность эсхатологическихъ воззрѣній руководительницы ковалевскаго скита, уже упомянута нами раньше, заставляетъ признать, что теоретическая сторона ея проповѣди не достигла полной законченности, не отлилась въ типически-опредѣленную, строго выдержанную и послѣдовательно развиваемую си-

¹⁾ Видѣть въ распространеніи этой статьи какую-нибудь полемическую цѣль—что и само по себѣ предположить было бы довольно странно — невозможно уже потому, что „по наведеннымъ справкамъ, въ Тираспольскомъ уѣздѣ такъ называемыхъ странниковъ совѣтъ не имѣется“ (Братск. Сл., окт., стр. 388),—слѣдовательно, полемизировать было бы не съ кѣмъ.

²⁾ Приведемъ выраженія изъ письма одной скитницы, указанные раньше.

стему. Можно, однако, признать, что важнѣйшій *практическій выводъ* изъ ученія объ антихристѣ у бѣгуновъ — мысль о необходимости всячески *скрываться* отъ властей — выступаетъ весьма замѣтно и у Виталии, составляя основу тѣхъ *религіозно-бытовыхъ перемѣнъ*, какія мы замѣчаемъ въ скиту со времени разрыва его обитателей съ противоокружничествомъ. Разумѣемъ главнымъ образомъ подробно описанное выше внѣшнее и внутреннее устройство скита, до мельчайшихъ подробностей напоминающее намъ (двойными стѣнами, тайниками, надписью на верхнихъ косякахъ дверей и т. п.) устройство „страннопримническихъ помѣщений“ у такъ называемыхъ „жилыхъ“ бѣгуновъ ¹⁾. Это сходство, которое едва-ли можно объяснить простою случайностію, невольно наводитъ на мысль, что послѣ своего разрыва съ поповщинскимъ противоокружничествомъ, не усвоивъ себѣ всѣхъ теоретическихъ подробностей бѣгунской доктрины, Виталия и ея послѣдователи изъ своего, можно сказать — документально извѣстнаго намъ, знакомства съ бѣгунствомъ заимствовали рядъ практическихъ, бытовыхъ указаній, вполне соответствовавшихъ ихъ душевному настроенію и представлявшихъ весьма пригодными въ виду ожидаемыхъ событій.

Итакъ, жертвы самоистребленія въ терновскихъ плавняхъ не остались до конца вѣрными послѣдователями противоокружничества, сохранивши, впрочемъ, кое-что изъ своихъ прежнихъ религіозныхъ навыковъ и взглядовъ, и не сдѣлались настоящими бѣгунами, хотя и усвоили себѣ важнѣйшіе выводы безпоповщинско-бѣгунской доктрины. Нельзя назвать ихъ общины вновь формировавшеюся, оригинальною сектою (какъ тоже склонны были думать нѣкоторые): ихъ воззрѣнія представляютъ не своеобразно-окрашенную *систему*, а пеструю *смѣсь* старыхъ и новыхъ (наскоро схваченныхъ среди постоянной тревоги и напряженнаго исканія „спасенаго пути“), не легко согласуемыхъ между собою теоретическихъ взглядовъ и практическихъ требованій, съ видимымъ, однако, преобладаніемъ безпоповщинскихъ началъ. И если ужъ необходимо поставить эти воз-

¹⁾ Объ устройствѣ этихъ помѣщеній см. въ нашей статьѣ, напечат. въ ноябрьск. книжкѣ Богосл. Вѣстн. (стр. 280—281).

зрѣнія, такъ или иначе отразившіяся въ тираспольскихъ событіяхъ, въ связь съ противоокружничествомъ или бѣгунствомъ, то—по нашему мнѣнію—гораздо больше имѣется оснований для сближенія ихъ со вторымъ изъ названныхъ раскольническихъ толковъ. Переставши признавать іерархію, но сохранивши нѣсколько обрывковъ прежняго своего исповѣданія, Виталія начала проповѣдовать и проводить въ жизнь далеко не законченную и не отлившуюся въ типическія формы безпоповщинскую доктрину съ настолько замѣтнымъ вліяніемъ странничества, что ее можно, пожалуй, вслѣдъ за референтомъ, назвать и „недоразвившимся бѣгунствомъ“.

Съ установленіемъ этого положенія едва-ли, все-таки, можно счесть объясненіе тираспольскихъ событій законченнымъ. Самоистребленіе, составляя, быть можетъ, не очень исключительный фактъ въ средѣ послѣдователей бѣгунства и находя себѣ косвенное оправданіе въ его доктринѣ, не составляетъ, однако, вывода изъ послѣдней *необходимаго* и *для встѣхъ обязательнаго*. Мы не имѣемъ оснований утверждать, что *каждый* бѣгунъ, по ученію своего толка, *долженъ* непременно покончить насильственной смертью. Даже предположивши вполне доказанное существованіе въ средѣ этого толка особыхъ кружковъ „душителѣй“, мы больше склонны были бы разсматривать самоубійство каждаго изъ членовъ такого кружка не какъ логически — необходимый выводъ изъ доктрины, а какъ произвольный актъ, — „блаженный изволь о Господѣ“, говоря словами перваго панегириста раскольническихъ религіозныхъ самоубійствъ, протопопа Аввакума ¹⁾. Необходимость самоистребленія, являемая въ каждомъ подобномъ фактѣ, есть въ основѣ своей не доктринально-логическая, а *психологическая*; такую она должна быть и въ тѣхъ событіяхъ, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь.

Блестящую, хотя, быть можетъ, и не вполне безукоризненную попытку выясненія этой психологической, точнѣе—*психопатологической* подкладки тираспольскихъ событій представляетъ неоднократно упомянутая выше статья

¹⁾ Матер. для исторіи раск., изд. подъ ред. Н. И. Субботина, т. V, стр. 265.

проф. Сикорскаго: „Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя)“. Не вдаваясь въ повтореніе фактическихъ подробностей, содержащихся въ ней (изъ которыхъ важнѣйшія уже представлены выше), считаемъ не излишнимъ, въ дополненіе къ прежде сказанному, прослѣдить общій ходъ психологической подготовки тираспольскихъ событій, какъ онъ представляется въ названной статьѣ.

Терновская катастрофа, подобно другимъ аналогичнымъ явленіямъ, столь не рѣдкимъ въ исторіи нашего раскола (самосожигательству и т. под.), представляетъ, по мнѣнію проф. Сикорскаго, одно изъ проявленій массовой психопатіи, „плодъ измѣненнаго настроенія духа“, для обнаруженія котораго *кажущіяся* внѣшнія причины въ *дѣйствительности* составляютъ только ближайшій подходящий предлогъ. Такія массовыя психопатическія явленія бывають обычно результатомъ болѣе или менѣе продолжительной предварительной подготовки и искусственнаго *психологическаго подбора*, главнымъ орудіемъ котораго въ данномъ случаѣ является ковалевскій скитъ и дѣятельность его руководительницы — Виталии. Объединяя вокругъ себя лицъ сходныхъ по убѣжденіямъ и по душевному строю, она съ этой именно стороны „сортировала старыхъ жильцовъ (скита) и вновь прибывающихъ“. Опредѣлившееся путемъ такой сортировки населеніе скита состояло главнымъ образомъ „изъ одряхлѣвшихъ и полуумныхъ субъектовъ, а также изъ пессимистовъ и людей психически больныхъ, мрачныхъ, боязливыхъ и подозрительныхъ, которые, утративъ чувство жизни, могли пребывать въ грязныхъ, удушливыхъ кельяхъ скита, похожихъ болѣе на логовища животныхъ, чѣмъ на человеческое жильё“¹⁾. Такъ возникло *патологическое ядро*, состоящее изъ лицъ ненормальныхъ, одностороннихъ, психически неуравновѣшенныхъ, которые, тѣмъ не менѣе, своею сплоченностью оказывали значительное воздѣйствіе на окружающую среду, дѣлая скитъ опаснѣйшимъ источникомъ *психической заразы*. При такихъ условіяхъ достаточно совершенно незначительнаго внѣшняго повода, чтобы мрачныя и устрашающія представленія, овладѣвши мыслью ру-

¹⁾ Проф. Сикорскій, цит. ст., стр. 506.

ководителей и вожаковъ, быстро передались окружающей болѣзненной средѣ и привели ее къ роковымъ рѣшеніямъ.

Не легко установить съ точностью, что именно послужило *непосредственнымъ ближайшимъ поводомъ* къ развитію эпидеміи терновскихъ самоистребленій¹⁾. Во всякомъ случаѣ, съ появленіемъ осенью 1896 года слуховъ о правительственномъ гоненіи на расколъ, существовавшее и прежде въ скиту мрачное и тревожное настроеніе становится еще замѣтнѣе, выражаясь въ усиленной подозрительности и неосновательныхъ страхахъ, поддерживаемыхъ безотрадными разсужденіями Виталии. Въ поступкахъ ея послѣдователей, охваченныхъ этой тревогой, сказывается какаѣ-то растерянность, полное безсиліе мысли передъ наплывомъ безпокойныхъ чувствъ. Они продаютъ за безцѣнокъ имущество, производятъ неосновательныя затраты и проводятъ цѣлыя ночи напролетъ въ слезахъ, причитаніяхъ и самоустрашеніяхъ. Уже въ это время, подъ вліяніемъ непрерывнаго ожиданія страшныхъ гонителей, тюрьмы и ссылки, — подъ вліяніемъ чувства неизвѣстности, близкаго къ отчаянію, возникаетъ *мысль о самоистребленіи*, встрѣтившая, впро-

¹⁾ По мнѣнію проф. Сикорскаго, немаловажное значеніе въ этомъ отношеніи имѣло торжество открытія мощей святителя Феодосія черниговскаго (9 сент. 1896 г.), которое, какъ извѣстно, произвело значительное впечатлѣніе на народныя массы, весьма неодинаковое для православныхъ и старообрядцевъ. Являясь, по понятіямъ народнои совѣсти, обстоятельствомъ оправдывающимъ одну сторону и обличающимъ другую, оно послужило источникомъ значительнаго упадка духа у раскольниковъ, — и дѣятельность Виталии и ея сотрудниковъ по скиту явилась попыткой „протинодѣйствовать этому настроенію, найти героическое лекарство прогнать болѣзнь, которая грозила поразить многихъ. Повидимому, эта рѣшительная женщина задалась смѣлою мыслью устроить въ Терновскихъ хуторахъ священное мѣсто, богатое останками мучениковъ, у таинственныхъ могилъ которыхъ должны были стекаться поклонники подобно тому, какъ это случилось въ Черниговѣ“ (цит. ст., стр. 510). Едва-ли, однако, эта попытка поставитъ тираспольскія самоистребленія въ связь съ церковнымъ торжествомъ 9 сентября — справедлива ильтъ никакихъ определенныхъ указаній, сколько-нибудь подтверждающихъ эту связь. И самъ проф. Сикорскій раньше (на стр. 458 своей статьи) указываетъ другой ближайшій поводъ для разсматриваемыхъ событій — славы цѣнное броженіе, обнаружившееся въ ковалевскомъ скиту осенью 1896 г., въ прямую связь съ появившимися тогда слухами о предстоящемъ правительственномъ гоненіи на расколъ и затѣмъ — о всенародной переписи.

чемъ, на первыхъ порахъ нѣкоторое противодѣйствіе (въ формѣ опасенія, какъ бы, уходя отъ одного грѣха, не попасть въ другой). Но противодѣйствіе это оказалось безсильнымъ послѣ того, какъ вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ слуховъ—о переписи—передъ запуганнымъ воображеніемъ скитниковъ всталъ страшный призракъ антихриста, отъ скверной печати котораго, обрекающей на вѣчную погибель, можно освободиться только цѣною невыносимыхъ страданій или добровольной смерти, вѣрнѣе — только этимъ послѣднимъ путемъ, такъ какъ не у всякаго хватитъ твердости на продолжительныя муки отъ страшныхъ антихристовыхъ слугъ. Нужно было теперь только установить мысль на извѣстномъ, опредѣленномъ родѣ самоубійства, — и роковая рѣшимость сложится окончательно. Этотъ выборъ способа добровольной смерти совершился безповоротно, какъ только было заявлено вслухъ, что „лучше въ яму закопаться“, чѣмъ принять антихристову печать: подкрѣпленная ссылкой на какое-то старое „писаніе“, мысль о „ямѣ“ быстро овладѣваетъ разстроеннымъ воображеніемъ скитниковъ и начинаетъ представляться имъ какимъ-то „пророчествомъ“, сверхъестественнымъ внушеніемъ и откровеніемъ свыше. Виталія, видимо, боится упустить психологическій моментъ и съ своей стороны всячески торопится дать возможно-быстрый ходъ дѣлу. Она не щадитъ красокъ и сильныхъ словъ, желая преодолѣть послѣднія колебанія нѣкоторыхъ и укрѣпить роковую рѣшимость. Она не скрываетъ ужаса медленной смерти—черезъ день или два—въ добровольной могилѣ, но указываетъ на то, что антихристъ уже пришелъ, что быть можетъ всего и жить-то осталось нѣсколько дней, что надо спѣшить во-время спасти свою душу добровольнымъ мученичествомъ въ ямѣ, откуда—прямой путь въ чертоги небесные. „Два—три дня мукъ,—говорила она каждому,—ничто въ сравненіи съ муками вѣчными. Подумай, можешь ли ты пересчитать дождевыя капли? сколько капель въ дождѣ, столько мукъ въ аду; лучше два—три дня мукъ въ ямѣ и — небесное царствіе“. И воодушевляемые этою надеждою скорого достиженія небесныхъ чертоговъ путемъ кратковременныхъ вольныхъ мукъ, двѣ партіи заживо погребаемыхъ въ торжественномъ настроеніи, въ экстазѣ послѣд-

нихъ прощаній и молитвъ покидаютъ міръ и уходятъ въ „скорбный градъ“ великой дантовской поэмы...

Непрерывное тревожно возбужденное состояніе однихъ, потрясающія впечатлѣнія другихъ отъ совершившагося на ихъ глазахъ и при ихъ содѣйствіи страшнаго акта самоистребленія—не могли не отразиться печальными послѣдствіями на душевномъ настроеніи оставшихся. Эти послѣдствія ясно обнаружались при арестѣ скитниковъ послѣ ихъ отказа отъ переписи. Уже при первомъ допросѣ арестованныхъ признаки чрезмѣрно-возбужденнаго состоянія: рѣзкій тонъ рѣчи, вызывающій образъ дѣйствій и т. под. ясно выдавали *ненормальность ихъ душевнаго состоянія*, еще болѣе усилившуюся потомъ вслѣдствіе пятидневнаго отказа отъ пищи, съ его неизбежными физиологическими послѣдствіями (явленія остраго малокровія мозга, наряду съ общимъ упадкомъ питанія и разстройствомъ дѣятельности сердца). Въ свою очередь, и не взятыя подъ арестъ за отказъ отъ переписи были далеки отъ душевнаго спокойствія, усмотрѣвъ въ самомъ этомъ освобожденіи себя отъ „антихристовыхъ мукъ“ какъ-бы доказательство, что антихристъ и безъ того считаетъ ихъ „своими“. Все это не могло не отозваться на психической сферѣ обитателей и особенно обитательницъ скита. Относительно одной изъ нихъ, Авдотьи Ковалевой, проф. Сикорскій высказываетъ положительную увѣренность въ ея *помышлательствъ*. То же самое съ большою вѣроятностью можно утверждать относительно нѣкоторыхъ другихъ,—въ томъ числѣ двухъ (а м. б. и всѣхъ трехъ) старухъ, „забракованныхъ“ при арестѣ. Эти четыре лица и дѣлаются жертвами новаго самоистребленія на другой же день послѣ освобожденія Виталии изъ тираспольской тюрьмы.

Это новое самоистребленіе имѣетъ уже совершенно иной характеръ, чѣмъ два предыдущія. Здѣсь нѣтъ того возбужденія, экстаза, который вызывался у первыхъ жертвъ рокового заблужденія мыслью о скоромъ водвореніи въ небесныхъ чертогахъ; наоборотъ, чувствуется неотразимая сила *гнетущихъ* чувствъ и настроеній. Три старухи, „забракованныя“ антихристомъ, не удостоенныя даже чести пострадать отъ него, и Авдотья Ковалева, узнавшая, что она все-таки попала въ антихристовы списки, ищутъ смерти подъ давленіемъ неисходной *печати* и *отчаянія*, и это

ясно сказалось предъ смертью, когда онѣ всѣ четверо сидѣли тупо, молча нѣсколько часовъ, пока на ихъ глазахъ готовилась для нихъ могила. „Ихъ закапыванье никакъ нельзя назвать вольною смертью, какъ у первой группы; напротивъ, это было простое маячное лишеніе себя жизни, — самое обыкновенное самоубійство, вытекавшее изъ непобѣдимаго болѣзненнаго страха и отчаянія“. Оно должно быть признано, поэтому, фактомъ психопатическимъ въ строгомъ смыслѣ этого слова“¹⁾).

Оставалась въ живыхъ сама Виталія съ небольшимъ кружкомъ своихъ уцѣлѣвшихъ послѣдователей; но въ нихъ уже не замѣчается той готовности на „вольное мученичество“, которая увела въ преждевременную могилу первыя двѣ партіи заживо похороненныхъ. Полтора мѣсяца, прошедшіе съ тѣхъ поръ, прозвели большую перемѣну въ настроеніи насельниковъ ковалевской усадьбы и вызвали реакцію противъ „отвратительныхъ человѣкоубійственныхъ дѣйствій, внушенныхъ мирному населенію хуторовъ кружкомъ фанатическихъ затворницъ“. Страшная перепись давно миновала, не сопровождаясь концомъ міра, въ подрывѣ грознымъ пророчествамъ Виталіи, и не только новыя вольныя смерти, но и прежнія жертвы стали представляться теперь напрасными и безцѣльными. Это перемѣна въ настроеніи обнаружилась уже при зарытіи третьей группы заживо похороненныхъ: Ѳ. Ковалевъ, безпрекословно и торжественно совершавшій въ первыхъ двухъ случаяхъ свое страшное дѣло, теперь высказываетъ опасеніе, „какъ бы грѣха не было“, и соглашается только послѣ продолжительныхъ просьбъ со стороны самихъ обреченныхъ себя на смерть и послѣ особыхъ настояній Виталіи, которая при томъ должна была дать, по его требованію, торжественное заявленіе, что беретъ на себя *грѣхъ* этого дѣла. Да и въ самой Виталіи чувствуется та же реакція противъ безумнаго фанатическаго дѣла, убѣжденной проповѣдницей котораго была она раньше. Существенная перемѣна, замѣчаемая въ ея душевномъ состояніи, заключалась въ томъ, что она уже не обнаруживаетъ прежней настойчивой прямолинейности дѣйствій и видимо начинаетъ испытывать *страхъ*. Противо-

1) Сикорскій, цит. сл., стр. 482—3.

дѣйствию въ окружающей средѣ и начинавшійся общественный судъ стоустой молвы пробудили ее отъ рокового увлеченія и дали иное направленію ея мыслямъ. „Въ народѣ слышались проклятія и ужасъ противъ закапываній, о которыхъ, какъ говорить Ковалевъ, повсюду рассказывали— какъ въ колокола звонили. Еще не было раскрыто дѣло, еще не были найдены могилы, но общій говоръ о странныхъ терновскихъ событіяхъ уже стоялъ въ воздухѣ, и виновница этихъ событій уже чувствовала на себѣ всю тяжесть приговора народной, а быть можетъ—и своей собственной совѣсти“ ¹⁾. Страхъ и растерянность, овладѣвшія ею, проявляются въ томъ, что она почти перестаетъ по прежнему руководить событіями, сама подчиняясь ихъ случайному теченію, и главнымъ образомъ думаетъ о ликвидаціи старыхъ дѣлъ, о сохраненіи въ тайнѣ того, что уже произошло. Она заклинаетъ Ковалева никому не говорить о случившемся и не показывать мѣста ужасныхъ погребеній. вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-будто старается поскорѣе отдѣлаться отъ всѣхъ живыхъ свидѣтелей ея страшнаго дѣла, убѣждаетъ ихъ *запостыться* и до крайности уменьшаетъ обычныя, выдаваемые скитникамъ порціи, сама употребляя пищу *не въ самыхъ скудныхъ размѣрахъ*, какъ можно заключать по результатамъ посмертнаго вскрытія. Видно, что она и сама уже утратила вѣру въ то, чѣмъ прежде такъ умѣла воодушевлять другихъ,—и съ каждымъ днемъ для нея все яснѣе становится безвыходность ея положенія, ярче выступаетъ неизбежность суровой расплаты. И вотъ, какъ-бы ужасаясь мысли остаться одинокой въ минуту послѣднихъ расчетовъ съ прошлымъ, она послѣднимъ напряженіемъ мысли и воли создаетъ и—при случайномъ, благопріятномъ для нея вмѣшательствѣ въ ходъ событій идиота, Д. Ковалева — осуществляетъ планъ самоубійства, по внѣшности сходнаго съ первыми актами совершившагося по ея же указаніямъ „вольнаго мученичества“, но совершенно отличнаго отъ нихъ по своему внутреннему смыслу. Ея послѣднія увѣщанія, которыми она склоняетъ пять новыхъ, послѣднихъ жертвъ на смерть вмѣстѣ съ собою, совершенно лишены всякаго воодушевленія и по-

¹⁾ Тамъ же, стр. 484.

сать исключительно *устрашающій* характеръ, безъ проблеска свѣтлой надежды и утѣшенія. И когда эти застрашиванья, наконецъ, возымѣли силу, въ *торопливой* и *неторжественной* процедурѣ зарытія ясно сказалось то настроеніе, которымъ было вызвано это послѣднее самоубійство. „Это вовсе не быть торжественный актъ, какимъ было первое закапыванье,—это было суетливое бѣгство растерянной души съ лица земли“¹⁾...

Такова психологическая и психопатологическая сторона тираспольскаго дѣла, какъ она выясняется по статьѣ проф. Сикорскаго. Нельзя не согласиться, что изложенныя соображенія, если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ своей основной концепціи соотвѣтствуютъ фактическимъ даннымъ и проливаютъ значительный свѣтъ на внутреннюю сторону загадочныхъ событій, глубоко возволновавшихъ наше общество своимъ мрачнымъ трагизмомъ. Этими соображеніями мы и считаемъ возможнымъ ограничиться, не вдаваясь въ болѣе подробный психологическій анализъ фактовъ, такъ какъ настоящая статья и безъ того уже далеко переступила преднамѣченные ей размѣры.

Къ какимъ же заключительнымъ выводамъ приводить насъ разсмотрѣніе тираспольскаго дѣла? На какія мысли наводитъ оно и какія мѣропріятія должно вызвать со стороны представителей власти?—Изложенныя обстоятельства ясно показываютъ, что фанатическое отчужденіе раскольническихъ массъ отъ общаго хода народной жизни, недостатокъ разумнаго пониманія явленій текущей дѣйствительности и патологическое, никакимъ нормальнымъ противобѣсомъ не парализуемое, вліяніе изувѣрныхъ вожаковъ на умонастроеніе темныхъ массъ составляютъ главную причину того, что эти темныя массы оказываются безпомощными при необходимости разобраться въ непонятномъ для нихъ явленіи и гибнуть жертвою своей безпомощности и своей темноты. А отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что не объ усиленіи уголовныхъ преслѣдованій противъ этихъ же самыхъ темныхъ массъ должно хлопотать намъ, не о стѣспеніяхъ и гоненіяхъ на заблуждающихся (мы уже видѣли, *къ чему* привели бѣдныхъ скитниковъ Тирасполя одни слухи

¹⁾ Тамъ же, стр. 484.

о подобномъ гоненіи), а о томъ, чтобы внести какъ можно больше свѣта въ эту темную среду, — свѣта христіанскаго *разумнiя* и христіанской *любви*. И мы съ искреннею радостію привѣтствуемъ появившееся на дняхъ въ одесскихъ газетахъ сообщеніе, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ годъ тому назадъ совершилось страшное „тираспольское дѣло“ — плодъ глубокой духовной темноты, уже засіялъ маленькій свѣточъ просвѣщенія — *народная школа...*

Этимъ мы и закончимъ разсмотрѣніе свѣдѣній о старообрядческомъ расколѣ, выяснившихся въ засѣданіяхъ третьяго миссіонерскаго съѣзда. Изложеніе важнѣйшихъ свѣдѣній о современномъ мистико-раціоналистическомъ сектантствѣ и обзоръ противосектантскихъ и противораскольническихъ мѣропріятій, обсуждавшихся членами съѣзда, составляютъ предметъ *особыхъ* статей въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за будущій 1898 годъ.

И. Громоглицовъ.
